

159 $\frac{1}{3}$
1929

№ 7

4й-эка.

**ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**

423
VII СЕРИЯ

ОТДЕЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

**BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES**

VII SÉRIE

CLASSE DES HUMANITÉS

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

423

ОБРАЗЦЫ НЕ-ИРАНИЗОВАННЫХ (СИНГАРМОНИСТИЧЕСКИХ) ГОВОРОВ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Е. Д. ПОЛИВАНОВА

(Представлено академиком В. В. Бартольдом в заседании Отделения Гуманитарных Наук
9 ноября 1927 года)

I. ГОВОР ГОРОДА ТУРКЕСТАНА

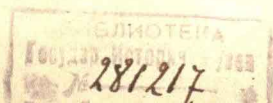
ПРЕДИСЛОВИЕ

Поездка летом 1927 г. в Узбекистан и в северно-узбекский район в пределах Казакистана дала мне возможность установить следующие группы узбекских говоров.

А. Среди иранизованных говоров.

1. Ташкентско-бухарская группа, куда вошли говоры ряда городов:¹ Ташкента, Джизака, Самарканда, Катта-Кургана, Ура-тюбе, Карши — нынешних Бегбуди, и Бухары. Основные особенности: полная утрата лингвально-сингармонистических чередований [в «живых» суффиксах словоизменения и словообразования] и сокращение гласной системы с 9 до 6 фонем, а именно: *i* mutabile, *e* (весьма закрытое), *æ*, *ɔ*, *o* (весьма закрытое), *u* — как в ташкентском; или же: *i*, *e* (тоже весьма закрытое), *a*, *ɔ* (с более устойчивой губной работой, чем в ташк.), *o* (тоже весьма закрытое), *u* — как в самаркандском. Внутри этой, ташкентско-бухарской, группы я выделяю, кроме того, самаркандско-бухарскую подгруппу (куда войдут из числа обследованных мною говоров — самаркандский, каршинский [города Бегбуди], бухарский и до известной степени катта-курганский), противопоставляя ее «ташкентской» и некоторым другим подгруппам. Основные особенности самаркандско-бухарской подгруппы — отсутствие *locativ'a*

¹ Из числа обследованных мною; определить полностью состав и границы этой (как и других) группы мне пока еще не представляется возможным.

(на -dæ|-tæ [в ташкентском]; функции его выполняет *dativus-locativu* на -ga|-ka|-qa), преобладание случаев а ← тур. *а в то время как ташкентский (и до известной степени джизакский) имеет о ← тур. *а [напр. самарк. bala «ребенок» || ташк. bələ — из *baʎa¹], и наконец сохранение гласного и в тех случаях, где ташкентский (и джизакский) имеют i_m ← *и [напр. самарк. хотун «жена» || ташк. и джиз. хотин = хот¹и].

2. Группа переходных ферганских говоров. Термин «переходный» я употребляю здесь с целью отметить промежуточную стадию в процессе утраты сингармонистических явлений, на которой стоят данные говоры по сравнению с ташкентско-бухарской группой. Внутри этих переходных ферганских говоров я выделяю андижано-кокандскую и несколько других подгрупп. Характерной особенностью андижано-кокандской группы я считаю наличие 3 фонем: æ, а, о — в соответствии двум ташкентским (æ, о) или самаркандским (а, о) фонемам [напр. в андижанском слове эгзæп-гаq «подешевле» — ср. самарк. эгзеп-гэq]. В связи с этим гласная система составляет *minimum* из 7 фонем [как в говоре города Коканда: 1 mutabile, е, æ, а, о, и (причем в фонеме о совпали *о и *ø; таким образом, слова *øt «пройди мимо! минуи!» и *ot «трава» стали гомонимами: кокандск. ot). Равным образом в кокандск. фонеме и совпали *и и *у: *иç «лети!» и *уç «три» в кокандском совпали в форме иç]. Если же различие о — ø, и — у сохраняется (как в некоторых из прилежащих к Коканду кышлаков, где øt — «пройди мимо!», ot — «трава» и «огонь», иç — «лети!», уç — «три»), то число гласных фонем доходит до 9 (i_m, е, æ, а, о, ø, и, у).² Кроме того в ряде кышланных говоров этой подгруппы сохраняются еще и некоторые сингармонистические чередования суффиксов (исчезнувшие уже в андижанском и кокандском, где из двух сингармонистических дублетов [напр. *-ʎan/-gæn participii praeteriti, *-da/-dæ locativi, *-raq/-ræk усиленной степени] сохранился только один [именно: -gæn, -dæ, -raq]).³

Б. Среди не-иранизованных (и потому сохранивших сингармонистический характер) говоров.

¹ Ср. ура-тюб. bæʎo (как и qærgə «черный» ← *qara); в иканском же — ba:ʎa (как и в туркменском языке).

² В андижанском же пара полуузких гласных о — ø сохранилась на своих местах (ot — «трава», øt — «пройди мимо!») øz — «сам» и т. д.), а узкие *и — у в большинстве позиций совпали в одной фонеме и̇ (и̇ç «лети!» и «три»), но в словах иг («бей!»), и, бу, бур, риг имеется, повидимому, звукопредставление и, отличное от и̇.

³ Фонема о в суффиксах не встречается (в противоположность ташкентско-бухарской группе; ср. ташк. -гэq).

1. Так называемую «кыпчакскую» или «собственно-узбекскую» группу, к которой принадлежит большинство говоров сельского населения Узбекистана (в том числе все полукочевые узбеки). Обладая в полной мере лингвально-сингармонистическими чередованиями (напр. *at-lar* «лошади» *žigit-lar* «джигиты») и лабиально-сингармонистическим чередованием узких гласных (напр. *qoʻl-u-ni* «его руку», *at-sh-ni* «его лошадь» — *accusat.*), эта группа имеет в то же время столь отличные от прочих групп (и в частности от городских говоров ташкентско-бухарской группы) особенности, что ее следовало бы отнести уже не к юговосточной, а к северо-западной группе турецких языков (по классификации А. Н. Самойловича). Укажу, например, 1) $\text{ç} \leftarrow \text{غ}$ (тац «гора», *qoʻlga* «колокол»; ср. ташк. *toʻl qoʻl*^(*)гэц, туркест. *taʼl qoʻlgaq*); 2) нуль $\leftarrow \text{غ}$ в положении после ш (и вообще после узкого гласного): *saʒsh* «желтый»¹ (ср. ташк. *sætiq*, самарк. *sariq*, туркест. *saʒʒq*); 3) начальное *j → ž (напр. *žedi* «он ел»); 4) чередование согласных в суффиксах: -*nar* (вм. -*lar*) после носового (напр. *adam-nar*, *taʒ-nar* «зори»); -*dsh* (*accusat.*) и -*dshŋ* (*genitiv.*) после *r l z*, -*tsh* и -*tshŋ* после глухих; 5) замена *x* через *q*, присущая ряду говоров этой категории (главным образом в пунктах, удаленных и мало связанных с городами; ср. то же явление в казакском языке) и т. д.

В качестве типичного представителя этой группы я останавливаюсь на кыркском говоре (— рода Кырк *قرق*, в нескольких верстах от станции Ростовцево). [Индивидуальные фонетические особенности этого говора: дифтонгизация начальных полуузких — ¹*et* «мясо», ²*øz* «сам», ³*on* «десять», — и дифтонгизация *i* в известной позиции: *piʃt* «вошь», *iʃt* «собака».]

2. «Не-туркменизованные (т. е. не обнаруживающие признаков «юго-западной» группы турецких языков) северно-узбекские» говоры, — в Туркестанском и Чимкентском районах [кроме Иканского (*i:qan*) и Кара-Булакского (*qara-buʃaq*)]. Образцом для меня служит говор города Туркестана (*tyrkistæn* в местном произношении), а из говоров Чимкентского уезда — Манкентский (хотя он и обладает одной замечательной фонетиче-

¹ В казак-найманском, который также относится к этой [«кыпчакской» или «собственно-узбекской»] группе, но ввиду близости к г. Самарканду (всего 3—4 км от станции Самарканд) подвергся некоторому влиянию иранизованного городского говора, вместо *saʒsh* говорят *soʒsh*; фонема *ɔ* (городского происхождения) обычно заменяет здесь **a* в первых слогах (напр. *žəman* вм. *žaman* «плохой» [ср. самарк. *jəmon*, ташк. *jəmon*, туркест. *jaman*], *ət-lar* «лошади» [ср. самарк. *ət-lar*, ташк. *ət-lær*, туркест. *at-lar*], и т. д.).

ской чертой, роднящей его с «туркменизованными» и в частности с его соседом — кара-булакским, — именно сохранением гласных долгот).

Из не-иранизованных (сингармонистических) эти говоры наиболее близки к «ташкентской» подгруппе, отличаясь от последней главным образом именно наличием сингармонизма.

3. «Туркменизованные» узбекские говоры: а) иканский в Туркестанском, кара-булакский¹ в Чимкентском уезде и б) хивинский (города Хивы) и некоторые другие говоры Хорезма. Они обладают целым рядом особенностей, свойственных «юго-западной» группе турецких языков (по классификации А. Н. Самойловича), в том числе даже такой, типичной для туркменского языка чертой, как различение долгих и кратких гласных [напр. в хивинском: at «лошадь», a:d «имя»; ot «трава», o:t «огонь»; jaz «пиши!», ja:z «лето»; или в иканском: atuŋ bašu «голова лошади», a:duŋ bašu «начало имени»; a:duŋ kymdu? «как твое имя?»; ot «трава», o:t/o:d-«огонь», o:duŋ «дрова»; jaz «пиши!», ja:z «лето»; a:dam-nar «люди»; bar «иди!», ba:r «есть», ba:-na jo:q-na «есть или нет?»; a:š «голодный», a:š-ma «я голоден», a:š-eke(n) «был голоден»; aɣuq «худой», a:ɣuq «арык»; kø:k «зеленый, синий», intensiv. — kø:mkø:k, kø:g-ot «зеленая трава»; ašxa:na «столовая», me:maŋxa:na «гостинная», me:gar «мираб — перс. «میراب»; se:l-gine «чуть-чуть»; tu:z «соль»; ky:z «осень», ty:š «сновидение»; qw:z «дочь»; berdi:dim экв. туркест. bergæn edim بېرگەن ئېدىم, ti:rik «живой»].

Если не говорить о некоторых необследованных мною районах (Наманганско-Чартагском и Сурхан-Дарьинском), то все говоры узбекского языка, мне кажется, возможно расположить по вышеуказанным пяти основным группам. Моей ближайшей задачей я считаю опубликование описаний говоров, способных служить образцами для каждой группы и подгруппы. Первыми шагами в этом направлении являются: 1) нижеследующее краткое описание туркестанского говора, 2) описание (и словарь) самаркандского говора (в качестве образца самаркандско-бухарской подгруппы), совместно со смежными ему говорами: а) самаркандским таджикским, б) самаркандским эронийским (erōni),² в) казак-найманским (бли-

¹ Кара-булакский говор — это тот же иканский, перенесенный в к. Кара-булак (Чимкентского у., приблизительно в 10 км от ст. Манкент) иканскими выходцами (i:qanʃuq'ами) и подвергшийся еще постороннему влиянию (вероятно со стороны отарского говора).

² Это — узбекизованный (под влиянием говора г. Самарканда) азербайджанский язык [прим.: erōni живут главным образом в Багшамальском районе г. Самарканда и прилежащем к нему кышлаке ræpəʃəb رەپەشەب].

жайший к г. Самарканду представитель «кыпчакской» группы), г) еврейским-таджикским (в еврейской слободке [ныне «Квартал Востока»] г. Самарканда), и некоторыми другими (говоры самаркандских туркмен [племени æ:rθa:ɣu], самаркандских цыган и некоторых других колоний в Самарканде).

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА ГОВОРА ГОРОДА ТУРКЕСТАНА (tyrkistæn)

Гласные фонемы (9):

Узкие i (см. ниже) y (hfr)	ь (см. ниже) u (hbr)
Полуузкие e (mfu) ø (mfr)	o (mbr)
Широкие æ (flu)	a (lbu)
Передние ¹	Задние ¹

Согласные фонемы (22):

p پ	b ب	w و	m م
t ت	s س	š ش	ç چ
d د	z ز	ž ж	n ن
k ك	j ي	l [l] ل	r ر
g گ	η [N] ن		
q ق	x خ	B [g] غ	
h ه			

Кроме того, лицами религиозно-образованными употребляются еще при чтении Корана, следующие согласные:

f ف	t ط	s ص	θ ث	ʔ ʔ	h ه	ç چ	Q ع
		z ² ض	ð ذ	ð ^w ظ			

Замечания относительно отдельных фонем

æ и а (— более заднее чем русское а, — нормального турецкого типа «а») не требуют особых замечаний. Укажу лишь, что иканское æ

¹ Деление это (на передние и задние гласные фонемы) имеет здесь, как и во всех сингармонистических говорах, принципиальное (психофонетическое) значение.

² Т. е. латеральное (l-образное), точнее унилатеральное, «эмфатическое» z с сильной, добавок, лабиализацией. Ср. N. JUŠMANOV. La correspondance du D'ad arabe au 'Ayn aghabén. ДАН-В, 1926, май — июнь, стр. 41—44.

(звук значительно более закрытый, чем туркест. æ) приравнивается туркестанцем к своему æ, почему им легко замечаются специфические иканские формы с *ε* вм. *e* (напр. иканское *kel*¹ «приди!» || туркест. *kel*).

e и *o* (как и *ø*) не столь закрыты, как в ташк. и самарк. (где *e* и *o* воспринимаются русским слухом в виде «и» и «у»); в Туркестане — это нормальные (ни в коем случае, однако, не «открытые») звуки типов *e*, *o*, *ø*.

Звук *y* только иногда (напр. в *yj* «дом»²) выдерживает тот характер, который мы привыкли ассоциировать с символом МФА³ *y*, — исходя из французского *y* (= «и»). Часто вместо чистого front (high-front-round) можно услышать mixed-front, причем, однако, — остается совершенно несомненным различие этого звука от соответствующей задней фонемы — *u* (high-back-round); ср. *yč* «з» и *uč* «лети!» [Во всех «ташкентско-бухарских» говорах, как и анд. и кок., эти слова уже не различаются: самарк. *yč*, и т. д.]

Как *y*, так и *u*, способны комбинаторно оглушаться — главным образом в неударенном первом слоге между глухими согласными: *tyš-mæk*, *quš-qa* («птице — قوشغا»).

Передняя узкая нелабиализованная фонема (условно обозначаемая мною через *i*) в большинстве случаев произносится как открытое «i», т. е. — *i* (в роде немецкого краткого «i» = *i* в МФА). Закрытый же вариант (соответствующий более или менее, типовому акустическому характеру «i») слышится в положении перед *j*, напр. в формах *negativi praes.*, где (как и в ташк.) вместо *-*ma-j/-*mæ-j-* произносится *-mij-* (= *mij*): *kemijmæn kemijsæn kemijdu*...⁴; *barmijmæn barmijsæn barmijdu barmijmiz barmijsiz*; или в *išlijmæn išlijsæn*... (ташк. *išhjmaen*..., самарк. *išlajmaen*...): *jijjsæn* (← *je-j-sæn*) и т. д.

В положении перед *r l z*, *i* сильно редуцируется (как и *i_m* в ташкентском): напр. *b^or*, *b^oz*, *s^oz*, *b^ol* («знай!»), *t^ol* и т. д.

В положении между глухими согласными, а также на конце слова [главным образом в формах 3 лица на *-ti*], где ударение фактически депласируется на начало слова *i* обычно (при нормальном темпе речи) оглушается, напр. *æjtɪptɪ*, *pɪškæɪn* и т. д. (см. тексты).

¹ Ср. *gal* (из *gæl*) в самаркандском эронийском.

² В иканском *øj*, ташк., самарк., карш. (бегбуд.) *oj*.

³ Международной Фонетической Ассоциации.

⁴ Ср. самарк. *ke(l)majdu*.

Соответствующая задняя фонема (—ъ в моем обозначении) аналогичным образом в большинстве случаев произносится, как «открытый» звук типа «ы» (ш). В определенном же соседстве — именно после š, č, ž, и в особенности после j (jъl, jъlap), звук этот уклоняется в сторону mixed (но перед глубоко-заднеязычным, напр. в qašъq, qajъq характер back сохраняется).

Редукция (перед r, l, z) и оглушение звука ь — в таких же условиях как и для l (напр. q^hr, q^hl, q^hz, q^hšlaq, qalъrtъ). Отмечу случай оглушения начального ь: ьssъq «жарко».

Согласные

Отдельные согласные не требуют в большинстве случаев особых замечаний, так как не представляют заметных отличий от других узбекских говоров. Нужно сказать только о тех особенностях консонантизма, которые обусловлены наличием лингвального сингармонизма (отсутствующего в ташкентско-бухарской группе):

Если оставить в стороне сингармонистические пары фонем¹ k — q и g — B [вариант ɟ после язычного смычного], то остальные согласные имеют по 2 варианта — в зависимости от принадлежности данного слова (или данной части слова²) к переднему или заднему ряду (что определяется качеством смежных с данным согласным гласных звуков). Но особенно резко это различие обоих вариантов наблюдается у l|ɬ и ɲ (|N): в задних словах (напр. jъl jъlɬar baɬa baɬaɬar qalъdъ; ana-ɲ и т. п.) произносится «твердое» ɬ (в роде русского «лѣ») и глубоко-заднеязычное ɲ = N.

С известными оговорками вариант ɬ можно было бы назвать даже особым звукопредставлением (фонемой) — так как возможно наличие l и ɬ в положении перед одним и тем же гласным (— благодаря существованию «ломанных» [т. е. нарушающих сингармонистический принцип] слов: напр. kulaɬ «горшечник» [ср. с другой стороны слоги ɬa, ɬar в baɬaɬar]). Однако, во всех подобных случаях l (не ɬ!) перед задним гласным не является вполне независимой позицией: оно обусловлено наличием предшествующего переднего гласного [таким образом, в «ломаном» слове kulaɬ «передний» отрезок состоит из 3 звуков (kyl), а «задний» из 2 (aɬ)].

В моей транскрипции [кроме ɬ «твердого»] я отмечаю (но не систематически) следующие комбинаторные вариации согласных:

¹ q и k, B и g — несомненно, фонемы: ср. karxana и qar.

² Так как возможны «ломанные» слова, один отрезок которых оказывается передним, а другой — задним (с лингвально-сингармонистической точки зрения).

1. Смычный вариант (g) фонемы B ġ после n, ŋ: напр. хан-га — дат. пад. «хану», qoŋdraq [= qoNgraq]; (но tamBa «тамга», tam-Ba «на крышу», qaŋ-Baŋ, buz-Baŋ и т. д.).

2. Озвонченное h → ħ в интервокальной позиции (ср. то же явление во всех других говорах).¹

3. Иногда — оглушенный характер конечного звонкого (напр. намаз).

Сингармонизм

«Ломаных» слов довольно много: это, главным образом, заимствования (часто из «ташкентско-бухарской группы») и composita.

Сингармонистические чередования суффиксов носят преимущественно лингвальный (язычный) характер [гласные чередования: ъ/1, а/æ, u/у].

Что касается губного сингармонизма, то чередования этого рода ограничиваются, насколько я мог заметить, узкими гласными: ъ/и, 1/у — и почти исключительно закрытыми слогами: напр.: 1) sʏn-dʏr-, ur-dur-, bil-dur-, øl-tyr- («убей!»); 2) sʏn-dʏ-m, ur-du-m, bil-dɪ-m, øl-dy-m; sʏndʏrdʏm² urdurum bildirdim øltyrdym (1 л. praeter.); 3) sʏndʏŋ urduŋ bildiŋ øldyŋ yrdyŋ («ты дул») sʏndʏrdʏŋ urdurduŋ bildirdiŋ øltyrdyŋ (2 л. praeter.); 4) sʏndʏq urduq bildik øldyk yrdyk sʏndʏrdʏq urdurduq bildirdik øltyrdyk (4 л. praeter.); в 3 же лице лабиальных гласных (в суффиксе) — нет (так как слог открытый): sʏndʏ urdʏ bildi øldi yrdi sʏndʏrdʏ urdurʏ bildirdi øltyrdi [в 5 лице тоже (слог -dʏr-/ -dɪ — открытый): øltyrdiŋiz, urdʏŋiz и т. д.]; 5) aʏaB-ʏm qoʏ-um iʃ-im kəz-um; aʏaB-ʏŋ qoʏ-uŋ iʃ-iŋ kəz-uŋ (но qoʏ-ʏ kəz-i); 6) aʏ-ʏr ur-up ber-ip øl-up yr-up; 7) aʏ-ʏʃ-maq, ur-uʃ-maq, kəŋ-yl-mæk, kəŋ-yn-mæk; и т. д., и т. д.

Морфологические особенности

Из морфологических отличий от ташкентского укажу главнейшие:

1. Наличие genitiv'a (на -пъŋ/-niŋ), отличного от accusativ'a (на -пъ/-ni); в ташк. же — accusat.-genitiv. на -ni.³

¹ Как и в самарк. таджикском [ср. такое же озвончение ħ в ряде других языков: эстонском и финском, японском (особенно часто в Киото), в монгольских наречиях и т. д.].

² В иканском sundurdum.

³ Как и в самаркандском (-ni), откуда это смешение двух падежных представлений проникает и в самарк. таджикский (accusat.-genitiv. на -ɛ) и в самарк. эронийский (accusat.-genitiv. на -i)

Примечание. В ташкентском, под влиянием школы литературного языка, в последнее время наблюдаются иногда случаи неправильного употребления نَكْ (-nɨ) — в значении accusativi. Происходит этот «обратный морфологический переход», разумеется, в виду отсутствия дифференциации асс. и ген. в живом языке.

2. Ablativ. оканчивается на -dɨn / -dɨn / -tɨn / -tɨn (в ташк. -dæn / -tæn).

3. Progressiv.: keljarmæn, barjarmæn (в ташк. ke(l)wæt-mæn, bərwæt-mæn и т. д.).

keljapsæn	barjapsæn
keljaptʰ	barjaptʰ
keljarmɨz	barjarmɨz
keljapsɨz	barjapsɨz (ударение всюду на jar)

4. Dativ. от основ на B имеет суффикс -Ba: taB-Ba, baB-Ba (в ташк. tɔqqæ, bɔqqæ).

5. Словоизменение сингармонистично (напр. uʃ-qan, но ket-kæn; в ташк. uʃkæn ketkæn).

На прочие особенности читатель найдет указания непосредственно в текстах.

ТЕКСТЫ

I. Загадки (jumba-q-lar)

1. pæspæst tamdɨn qar jaBar. Ответ (jawap): elæk («сито»).
pæst-pæst ← پەست-پەست «низко-низко»; tam-dɨn — abl. «с крыши» (ташк. tɔm-dæn).

2. qazʰq ystidæ qar turmas. Ответ: tʰxum («яйцо»). qazʰq قازق — «кол». Оглушение (и редукция) u [в tuxum = tʰxum] наблюдается, главным образом, в первом (неударенном) слове, между двумя глухими; то же можно отметить относительно y (напр. в tyʃmæk = tʰʃmæk).

3. pækænæ-gɨnæ bojʰ bar qabat-qabat tonʰ bar. Ответ: pɨjaz («лук»).

pækænæ — «низенький», очевидно из pæst-kænæ, boj — «рост».

qabat — «слож», ton — «одежда = халат».

4. eʃik arqasʰdā belɨ baBʰq quʃ jatádʰ. Ответ: ʃyryrgɨ («метла»).

بېلى باغلق قول «раб связанный по пояснице (bel-»).

5. uzún-dur qʰzɨʰ-dur jarʰq-tur baʃʰ

kirádur [sic!] ʃyqádur kɔzɨdæ jaʃʰ. Ответ: dæwætqælæm («чернила и перо»).

Все предикативные формы этой загадки относятся к литературному языку (-dur/-tur после именных основ; kiradur, ёqadur вм. kirædi, ёqadъ). Форма kiradur (praesens), кроме того, отклоняется от сингармонистической нормы [в живом языке — kirædi] — ради рифмы с ёqadur.

jaş-ъ — «его слезы (от ياش)».

6. bir jarъm bar æзæpkinæ qujruqlarъ gæзækkinæ

hæli kelær kørærsiz kylækylæ ølærsiz.

Ответ: ёjan («скорпион») или езæk [дело в том, что в г. Туркестане существует «табу» по отношению к имени скорпиона — ёjan جيان (его нельзя произносить, чтобы не привлечь этим скорпиона); поэтому скорпиона называют вторым именем — езæk بېشەك, т. е. «ишак, осел»].

æзæp-kinæ — «интересенький, забавненький»; gæзæk — «пейс, изогнутая прядь волос»; kylæ-kylæ — удвоенная основа (деепричастие) наст. вр. от kylmæk «смеяться».

2. Пословицы (naql ناول)

1. adamnъŋ ałasъ ištæ malnъŋ ałasъ sьrtta.

«Пестрота (aļa) человека внутри (ištæ вм. ič-tæ — loc. от ič), пестрота животного (mal) — снаружи (loc. от sьrt)».

2. ač baļa toq baļa-bilæn ojnamijdъ

toq baļa ač baļanъ ojlamijdъ.

3. it semirsæ egæsini qarar.

«Если (-sæ) собака пополняет (semir-), то своего хозяина укусит».

4. aşъŋ haļaļ bosa kočædæ ič.

bosa ← boļ-sa, aş-ъŋ — «твоя пища».

5. iştanъ joq tizæsi jьrtьqqa kylædi.

(Ср. в моей «Краткой грамматике узбекского языка, ч. II», Приложение).

6. øзуŋæ ehtijat boļ qoşnъŋъ oБъ tutma.

«Смотри за собой, а своего соседа не считай вором».

7. jaB ičkændæ jat jaxşъ

qan ičkændæ qarъndaş.

8. qoşnъŋ oБъ bo(ļ)sa køзуŋni jum.

«Если твой сосед вор, ты закрывай глаза».

9. ёъмёъq semirip, batman bo(ļ)mas.

В Туркестане باتمان — 11 пудов. ёъмёъq (ташк. ёumёuq) — «воробей».

10. buzaдnъŋ jugyrgæni samaхanaBaşa

samaхana ← saman-хана [سامان — «солома»].

11. В г. Туркестане в ходу также персидская пословица:

zor-ъ-behydæ mijan meşķænæd (زوریهوده میان می شکنند).

«Напрасная сила поясницу ломает» (по узбекски было бы behydæ zorĭyq belni sĭndĭrādĭ).

12. jaxšъ-bosaŋ ašъŋ jijsæn

jamam-bosaŋ bašъŋ jijsæn.

jijisæn ← je-j-sæn (2 лицо praes.: «съешь»), bosaŋ ← boĭ-sa-ŋ.

13. jigit bosaŋ er boĭ

er bomasaŋ jer boĭ.

14. øziŋni er bilsæn

bir-aunъ šer bil.

«Если ты сам себя признаешь мужем (— героем), то другого признавай львом (šer)».

15. sajaq jyrmae

tajaq jijisæn.

«Не будь (букв.: не ходи) распутным, — (а то) палку заслужишь (букв.: съешь — jijisæn вм. *je-j-sæn)».

16. kørpæŋæ qarar ajaBъŋ sun.

«Смотря по одеялу (kørpæ), протягивай (sun) ноги» — точное соответствие русской пословице «По одежке протягивай ножки». kørpæ-ŋ-æ — дат. пад. от kørpæ-ŋ «твое одеяло» [ср. ташк. kørpæ-ŋ-gæ].

17. byrgægæ ašъŋ qĭĭr kørpægæ ot qojma.

«Сердась на блоху, не подожги одеяла».

18. jaxšъ-bilæn jysæŋ jetaersæn muratqa

jaman-bilæn jysæŋ qaĭarsæn uĭatqa.

(murat — «цель», uĭat — «стыд»).

19. jetim gozъ asrasaŋ aBzъ-murnъŋ maj-etæŋ

jetim baĭa asrasaŋ aBzъ murnъŋ qan-etæŋ.

jetim qozъ asra-sa-ŋ — «если ты будешь кормить сироту ба-
рашка»...

aBzъ-ъ-murnъŋ (дублет aBz-и-murnъŋ) «рот и нос твой». maj-et-æŋ «будет в масле». А если будешь кормить сироту-ребенка, то рот и ноствой будут в крови. Смысл тот, что чужое дитя, никогда не станет родным.

20. hæŋ kımıkı øzigæ

aj kørinæŋ køzigæ.

«Свое каждому кажется месяцем».

21. søjlægændin søjlæmægæn jaxšъraq

søjlæb-edim tegdi bašъma tajaq.

«kijikči-ækæ, berin šax, aľaj saľ, app^araj kylaľ, [qʰɨsɨn kʊzæ, aľaj suw, juwaj tumšuq, qozʰčaq čoqur, boľaj semiz» depti.

kijikči æjtɪptɪ (дублет æjtɪptɪ): «kijiklær syt ičmæsæ šax bermijdi. sytčidin barɣp, syt apke» depti.

qarBa sytčigæ (дублет sytčigæ) barɣptɜ. «sytcı-ækæ, berin syt, issin (вместо ič-sin) kijik, bersin šax, aľaj saľ, apparaj kylaľ, qʰɨsɨn kʊzæ, aľaj suw, juwaj tumšuq, qozʰčaq čoqur, boľaj semiz» depti.

sytči (в быстр. речи sytcı) «sijirlær pičæn jemæsæ syt bermijdi» depti. qarBa pičænčigæ barɣptɜ.

«pičænčı-ækæ, berin pičæn, jesin sijir, bersin syt, ičsin (дублет issin) kijik, bersin šax, aľaj saľ, app^araj kylaľ, qʰɨsɨn kʊzæ, aľaj suw, juwaj tumšuq, qozʰčaq čoqur, boľaj semiz» depti.

pičænči æjtɪptɪ: «oraq joq oraq apke» depti «orup beræmæn» déptɜ. qarBa oraqčɜBa barɣptɜ.

«oraqčɜ-ækæ, berin oraq, aľaj pičæn, jesin sijir, bersin syt, issin kijik, bersin šax, aľaj saľ, app^araj kylaľ, qʰɨsɨn kʊzæ, aľaj suw, juwaj tumšuq, qozʰčaq čoqur, boľaj semiz» depti.

«tæjjar oraq joq» depti «kømyrčidin barɣp kømyr apke» depti. qarBa kømyrčigæ barɣptɜ.

«kømyrči-ækæ, berin kømyr, apparaj usta, qʰɨsɨn oraq, aľaj pičæn, jesin sijir, bersin syt, issin kijik, bersin šax, aľaj saľ, apparaj kylaľ, qʰɨsɨn kʊzæ, aľaj suw, juwaj tumšuq, qozʰčaq čoqur, boľaj semiz» depti.

kømyrči bir xalta kømyr berɪptɜ. kømyrnın ičidæ bir dana čoq bär-ekæn. kømyrnı qarBa arqaľar baratqan-ekæn [вместо barajatqan-ekæn]. hæligi čoqtɨn kømyr ot aľp ketɪp qarBa kuɣur øľur qartɜ (← *qalɣptɜ).

Начало — обычная присказка [ср. в Ташкенте: bɔr-ekæn joq-ekæn (или joʙ-ækæn) əʙ-ekæn toq-ekæn borı bækaewul-ekæn... и т. д.; в Икане: ba:r-εke jo:B-εke a:ʒ-εke toʙ-εke... и т. д.]. čɨmčɨq — ташк. čumčuq («воробей»). čirændaz — в ташк. присказке čeqimči («ябедник»). I в jaɣawul-ekæn (вместо ʃ, как в jaɣawul) под влиянием следующего e. qozʰ, qozʰ-čaq — «барашек». juɣur juɣur — букв.: «ходили ходили и...». dostɜ bɔptɜ (ср. ташк. bɔptı ← *boluptı) «подружились». qanɨ-ɨm — «мое брюхо»: из *qanɨ-ɨm (от qarɨn).

čoqt «дай клюнуть!», čoqt-čɜ «дай-ка клюнуть» (-čı/-čɜ экв. русск. -ка), qujuɣuʙ-ɨŋ-dɨn — abl. «из твоего курдюка».

hagam (|| ташк. хәгәм, самарк. һагәм — حەرام; в казакском агам) — «поганный, нечистый».

г в darja под влиянием след. j приближается к «полу-мягкому» (намек на «полу-мягкость» слышится также в z слова pæjzæ — под влиянием предшествующего j).

kylaʃ или kylaʃ-ʃi «горшечник». saʃ-ʃʒ — букв. «глинщик» (от saʃ «глина»); не надо смешивать с saqʃ «сторож» (которое в туркест., впрочем, неупотребительно). арке ← aʃ-ʔr-kel (ср. ташк. эрке). apparaj (произносится appʳaj) ← aʃ-ʔb — bar-aj (1 л. conjunctivi): «отнесу». mygʒ — синоним šax «рог». kijik (русское ухо в быстрой речи слышит просто «кик») — «олень». pʃæp — «сено». apparaj usta; apparaj kylaʃ — «отнесу к мастеру», «отнесу к горшечнику» — вместо . . . usta-ʔa, . . . kyʃalʔa. čoq — «огонек» (горящий еще уголь). dana — «штука» (ташк. dənæ). kujʒr øʎʒr qartʒ — «сгорела».

Сказка рассказывается метрически: berɨ kɵmʒr/appʳaj usta/qʳʃsɨp oʒaʒ/aʃaj pʃæp/jesm sɨjɨr/bersɨm syt и т. д.; при этом односложные слова (šax, saʃ, suw) произносятся с удлинённой гласной, что делает их количественно адекватными с sɨjɨr, kijik, kyʃal, kɵzæ, tumʃuq, čoqɨr, semɨz.

В semɨz гласный ɨ (согласно вышеуказанному — по поводу фонемы ɨ) редуцируется: semʳz.

5. Песни (læpær لەپەر)

1. čit romaʃɨm xasa-ja
qoʃɨmda čɨm kasæ-ja
qʳzʃar læpær æjtkændæ
jɨɡɨtlær tɨʃʃar tursa-ja.

-ja не имеет значения — припев. Предполагается, что текст этого læpær'a произносит пожилая женщина — лицо нейтральное (xasa) между девушками и джигитами. čɨm — ташк. čɨnni «фарфоровый». tɨʃʃa-maʒ «слушать».

2. boza iʃtim (вм. بۆزە ئېتىم) baʃqa čʒqtʒ xumaʒ
jaʒ qoʒɨnda qalɨdʒ mojnɨm tumarʒ
baraj desæm heč bæʃanæ tapmadɨm
xup bæʃanæ boʃɨdʒ mojnɨm tumarʒ.

heč — литературная форма (вм. hɨʃ).

3. bozanъ ičkæn sajъn kæjf-etædyr
 bærčæni birdik jaratsaŋ netædyr
 bærčægæ qonup øtkæn dæwlætlaeriŋ
 bizgæ-hæm (дублет -jæm) tyšlæniŋ øtsæ netædyr?!

Последние 3 строки — обращение (вопрос) к богу. netædyr (вм. nimæ-etædyr) и -etædyr — литературные формы 3 л. praes. (вм. -etædi).

4. bælænd bælænd tepædæ quš ølturur
 joqčъŋq bašъŋga kylpæt keltyryr
 joq boŋup aBajъŋga xor boŋbučъ
 taBdaBъ arъsŋan boŋaj ta ølgyčæ.

arъsŋan — «лев» (ташк. ærslan). ta (L) øl-gy-čæ «до смерти». Формам буд. вр. на -ur/-yr (ср. ниже в 9-й песне) в живой речи соответствуют окончания -ar/-æg.

5. buxaraŋъŋ ajŋanasъ mishi kyl
 jeBŋaj jeBŋaj jaqaŋarъm boŋdъ høl
 pærzæntlikniŋ yjin kørсæŋ mishi gyl
 pærzæntsizniŋ yjin kørсæŋ mishi čøl.

misl- — арабск. مِيسَل: «Окрестности Бухары похожи на пепел...»
 и т. д.

6. baBBa kirsæm baB šamaŋ-dur kakilimni jazádur
 yjgæ kirsæm øgæj anam jyrægimni ezædyr
 jyrægim čæjdøšmidî? čajŋar saŋъp qajnatqaŋъ
 awazъm bulbulъmъdъ? sæŋær turup sajratqaŋъ

čæjdøš — старинный сосуд для варки чая (когда еще не было самоваров). sajrat-maq «заставлять петь». jazadur и ezædyr — литературные формы (вм. jazádъ, ezædi).

7. qъzŋar-žan qъrBa qojádur bøzini
 sæwdægærgæ kørсætædyr øzini
 sæwdægær sæwdægæ čъqtъ maŋ yčyn
 qъzŋaržan šæjdafi boŋdъ jar yčyn.

bøz — «бязь». قزغا (qъr-Ba) — потому что раньше местом торговли была قز. qojadur, kørсætædyr — вместо qojádъ, kørсætædi (ср. самарк. qojadu, korsatadu).

8. poʃat næjzæ¹ tɪʃʲ (или tɪʃʲʲ) jerdæ jatár-mu?
 mərt jigít na-mərtkæ sʲrrʲn æjtær-my?
 səpər (سەپەر) qʲɪsɑŋ bɪr mərt-bilæn qʲɪ səpər
 øzɪ ølmæj səni taʃlɑp ketær-my?

poʃat næjzæ tɪʃʲ — «наконечник стальной пики»; слово tɪʃʲ имеет также сингармонистический дублет tɪʃʲʲ (из четырех опрошенных мною туркестанцев двое [молодые] произносят tɪʃʲ, а двое других [в том числе старик] — tɪʃʲʲ; пятый же ответил, что некоторые говорят tɪʃʲ, а другие tɪʃʲʲ). «...достойный (mərt) йигит недостойному (na-mərt-kæ) разве скажет свою тайну (sʲrrʲ)? Если делаешь поездку, с достойным делай поездку [— поезжай!]! Пока он не умрет, разве он тебя бросит?!».

9. zəbaxan atlandʲ kettɪ saj-bilæn
 qoʃda čini piʃaʃa baʃ-bilæn
 činmi nadanga bermæ — sʲndʲrur
 bewəpɑ jɑr qɑʃɑn køŋlyŋ tʲndʲrur.

II. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ГОВОРА КЫШЛАКА ИКАН

(Туркестанский уезд)

Кроме «северно-узбекской не-туркменизированной группы» (образцом которой служит у меня говор города Туркестана) и «собственно-узбекской», или «кыпчакской» группы (к которой принадлежит большинство кышлачных говоров Узбекистана) в составе *сингармонистической*, или *не-иранизованной* половины узбекских говоров приходится выделять еще небольшую, но в высшей степени интересную группу, обладающую рядом особенностей, типичных для «югозападной, или туркменской»² группы турецких языков, и потому условно называемую мною «*туркменизированной* сингармонистической группой»;³ если же пользоваться при классификации племенными терминами, то к ней подойдет наименование «огузской группы».

¹ О некотором «смягчении» Z в næjzæ см. выше.

² По классификации А. Н. Самойловича.

³ В итоге оказывается, что в составе сингармонистической (не-иранизованной) половины узбекских диалектов окажутся представители трех различных групп турецких языков: 1) северно-узбекские не-иранизованные говоры (Чимкентского и Туркестанского уу. — кроме кышлаков Кара-булака, Икана и Ибата), как, с другой стороны, и несингармонистическая «ташкентско (-самаркандско)-бухарская (городская) группа» и «переходные [в смысле не столь радикально (как в «ташкентско-бухарской») проведенной ликвидации сингармонизма] ферганские говоры» (с «андижано-кокандской» и др. подгруппами), и наконец самостоятельная, может быть, «наманганско-чартагская группа» (которую я, в настоящей стадии моих

Сплошной, более или менее широкой территорией эта группа, насколько мне известно, не обладает и состав ее сводится к следующим единичным говорам:

А. В северо-узбекском районе в пределах нынешней Казакской ССР:

1. Говор кышлака Икан (قان по казакской орфографии 1924 г.) Туркестанского у. и кышлака Ибата (Ибадулла-ата), или так называемого Нового Икана (в 25 км от Икана, где находятся лучшие, наиболее орошаемые земельные участки иканцев и куда успела выселиться значительная часть иканского населения).

2. Говор кышлака Кара-булак Чимкентского у. (в 12 км от ст. Манкент); кара-булакский говор во многом является непосредственной копией иканского, так как население Кара-булака в значительной степени состоит из «икан-лык'ов», т. е. старых выходцев из Икана. Но кроме иканского сказывается влияние и другого говора, повидимому, оттарского (ибо кроме «икан-лык'ов» в составе карабулакского населения есть и «оттар-лык'и»).

Примечание. Говор кышлака Манкента (mænkaet), несмотря на весьма небольшое расстояние от Кара-булака, отличается от кара-булакского настолько, что его надо относить к «не-туркменизованным» — несмотря на наличие гласных долгот; с другой стороны и от «не-туркменизованных» и от кара-булакского он отличается некоторыми индивидуальными особенностями (в частности спорадическими случаями æ вместо а: jæz «пиши!», æwærgæ || иканск. awaга || туркест. arba || самарк. aḡawa «арба»).

Б. В пределах б. эмирства Бухарского: по сообщению муллы Султана (имама мечети Шах-Мардон в г. Туркестане) выходцы из Икана поселились также в одном из кышлаков в пределах Бухары (кышлак Карахан?), куда они бежали от притеснений во времена Калмак-хана Кокандского. Проверить это сообщение, а тем более познакомиться с говором этой колонии мне не представилось возможным.

диалектологических обследований, еще не могу включать в число обследованных), отходят к «юговосточной, или чжагатайской группе» турецкого языкового мира; 2) «собственно-узбекские», или «кыпчакские» говоры (образцом чистого вида которых служит у меня кыркский, а образцом, подвергшимся некоторому влиянию городской речи — казак-найманский) нужно причислить к «северозападной группе турецких языков» на основании ряда признаков, общих с казакским языком (напр. тац, qoŋtaц, saŋu [казак-найм. sŋu] — ср. самарк. toB, qoŋ(u)roq, sariq); и наконец 3) «туркменизованная» группа (иканский, карабулакский, хивинский) может быть сближаема с «юго-западной, или туркменской группой турецких языков», в частности с туркменским языком.

В. В Хорезме:

1. Говор города Хивы; отличаясь своеобразными особенностями (и в частности большей близостью к туркменскому языку) от иканского, этот говор, тем не менее, обладает всеми основными признаками, на основании которых мною выделяется данная «туркменизованная» группа (в том числе и различием долгих и кратких гласных).¹

2. По слухам, сходными (с хивинским) особенностями обладают и некоторые другие *городские*, а также и кышлачные говоры Хорезма; но проехать в Хорезм мне не удалось, и проверка этих сообщений — для меня дело будущего.

Из сказанного ясно, что для характеристики всей данной («туркменизованной») группы нужно прежде всего дать описание иканского,² а затем хивинского говоров. Здесь я довольствуюсь элементарным очерком иканской фонетической системы, рассчитывая впоследствии опубликовать и тексты.

Вокализм

Гласная система по числу *качественно-различных* звукопредставлений (9) совпадает с системой говора г. Туркестана, но отличается от последней, как качественной характеристикой некоторых отдельных фонем (напр. иканск. ϵ || туркест. $\ae$), так и главным образом наличием парных *количественных* категорий, куда входят все упомянутые 9 гласных; именно:

Краткие.....	i	e	ϵ	y	$\emptyset$	ш	а	и	о
Долгие.....	i:	e:	ϵ :	y:	$\emptyset$:	ш:	а:	и:	о:
	Передние					Задние			

Итого, следовательно, 18 принципиально отличных гласных звукопредставлений (ср. 16 туркменских фонем: i, i:, e, $\ae$, y, y:, $\emptyset$, $\emptyset$:, ш, ш: [= ш], а, а:, и, и:, о, о:).

Привожу примеры на краткий и долгий гласный каждой пары.

¹ Ср. напр. хивинск., иканск. и кара-булакск. ja:z «лето» (туркм. ja:ð) и jaз «пиши!» (туркм. jað). [В остальных группах узбекских говоров эти слова не различаются: ташк., самарк., кокандск. jɔz, кыркск. žaz, туркест. jaz.]

² Что же касается кара-булакского, то ему посвящено было зачетное сочинение К. К. Юдакина, представленное в 1925 г. в восточный факультет Ср.-Аз. Гос. университета, и его превосходная работа в Сборнике в честь академика В. В. Бартольда.

it «собака», i:qan назв. кышлака Икан (в говоре г. Туркестана — ʔqan), keldi:dim 1 л. сложного прошедшего — экв. ташк. kelgæn edim کېلگەن ئېدىم, ti:rik «живой» (тоже в Манкенте и Кара-булаке).

et¹ «мясо», me:maп «гость», me:ma(n)xa:na «гостиная» (в говоре г. Туркестана mejmaп, mejmaпxana), me:gar (← перс. میراب «мираб»).

kel «приди!» keldiler «они пришли», kel «плешивый» [в прочих говорах «приди!» и «плешивый» различаются: ташк. kel «приди!», kæl «плешивый»; открытый гласный в основе «приди!», кроме иканск. и кара-булакск., встретился мне только в самаркандском эронийском² — gal], sɛ:l-ginɛ «чутьточку, немножко».

kym «кто?», a:ɖuŋ kymdu? «как твое имя?», kuз «осень», juз «лицо», «100»; kyp «день», «солнце»; syjgɛп «любивший», «он любил» (← *sew-gɛп; ср. осм. sew-), uʃ «три» [ср. ташк. самарк. uʃ (= üʃ), туркест. uʃ, кок. андиг. üʃ (но в некоторых кокандских кышлаках, напр. в Юл-гузоре — uʃ); кыркск. и казак-найм. uʃ; переход конечн. *č → иканск. š (resp. *ž → č → š) может считаться нормальным],³ juг «иди!» [иногда произносится — под влиянием окружающей Икан казакской речи — žyг (напр. juг dost! или žyг dost! «иди, друг!»); ташк. самарк. juг, туркест. juг, кыркск. žyг; казакск. ژyг žyг].

ty:š «сон = сновидение», напр. ty:š kɔrdym «я видел сон» [но *tyš- (с *у кратким) дало в иканском tiš-, напр. pojъz-duп tištım «я слез с поезда» (ср. ташк. čuštım)].

oј «дом» (в туркест. uј, ташк. самарк. oј, казак-найм. uј, анд. кок. üј, каршинск. oј, джизакск. uј = üј).

tø:t «четыре» (ташк. tort/tor, туркест. tørt), kø:k «синий», kø:mkø:k intensiv. «синий-синий», kø:g-ot «зеленая трава».

¹ В кыркском (как и в некоторых других из «собственно-узбекской» группы) — ¹et, т. е. с дифтонгизацией, которой подвержены все начальные полуузкие (ср. ʔot «трава», ʔøz «сам»). [Ср. наблюдение Радлова о дифтонгизации начального е в казакском; тут прибавляется, значит, еще один признак, сближающий «собственно-узбекские» с казакским языком.] В прочих группах et, кроме самарк. эронийского, где æt или æt.

² Самаркандский эронийский (т. е. говор так называемых егапى — букв. «иранцев», живущих в Богیشамальской части г. Самарканда и в прилегающем к ней кышлаке Панджаб) — это не что иное, как узбекизованный азербайджанский язык. Этим объясняется и начальное g в gal; с другой стороны и широкий гласный (вместо е) ведет здесь свое происхождение из «югозападной группы турецких языков», из которой нам приходится объяснять и наличие ɛ (вместо е) в иканско-кара-булакском kel.

³ Ср. иканск. (и кара-булакск.) a:š «голодный» (но a:ž-ɛkɛп), iš-qorʔan вм. ئېچ قورغان «внутренний курган, — кремль», aš «открой!»

ш краткое — напр. в а:гуш «арык», а:гуш-туш čuqtu «он вышел из арыка», ašxa:naduш čuqtu «он вышел из столовой».

ш: долгое — qш:z «дочь» (ср. туркм. gш:đ = gшđ; равным образом и иканско-карабулакское ш: долгое осуществляется в качестве неоднородного — полифтонгического гласного; в ташк. qiz = q^zz, туркест. q^zz, самарк. qiz = qiz).

bardu:dim — экв. ташк. bərgæn edim بارغان بېرىم.

а и а: долгое:

агуш «худой, тощий», мен агуш senem arıqse «я худ, ты тоже худ»; а:гуш «арык».¹

ат «лошадь», atш bašш «голова лошади» [ташк. otı bəši, казак-найм. ottıш bəši, кыркск. attıш bašш, самарк. эронийск. otı bəši]; sen muštıwF at «ты стреляй из ружья»; a:d «имя»,² a:dш bašш «начало имени», a:dш kýmdu «как твое имя?» [В «ташк.-бухарской» и всех остальных группах все 3 слова: «лошадь», «стреляй», «имя» являются гомонимами: ташк., самарк., казак.-найман. ot, турк., кыркск. at.]

Ба:z «гусь» (ср. хивинск. и кара-булакск. Ба:z, туркм. ga:đ, як. «qa:s» и т. д.) [ташк. самарк. Bəz, туркест., кыркск. Bəz], bar «иди!» (турк. bar), ba:r/ba:- «есть, наличие», напр.: o:čaqa o:d bá:na jób:qna «в очаге огонь есть или нет?», qa:n «кровь», qa:r «снег», ta:š «камень» [ср. ДАН-В, 1927, № 7, стр. 151].

¹ Ср. противоположение этих слов («худой» — «арык») в некоторых других говорах:

«худой, тощий»

«арык»

Ташкентск.	əriB	əriB [i = i mutabile]		
Самаркандск.	əriq	əriB	»	»
Джизакск.	ərrıq	əriq	»	»
Каршинск.	ərrıB	əriB	»	»
Кокандск.	ərrıq	əriq	»	»
Андижанск. и ходжентск.	əriB	əriq	»	»
Казак-найманск.	arıuq	arıuq		
Кыркск.	arıuq	arıuq		
Туркестанск.	arıuq	arıq		

И лишь в очень немногих говорах (повидимому в верхне-шерхонском: əriB) эти слова оказываются гомонимами.

² Я не привожу здесь параллелей из других турецких языков, тоже сохранивших общетурецкие долгие гласные (о чем см. ДАН-В, № 7, 1927); замечу, что в 1927 г. я натолкнулся на эти различия (вроде at «лошадь» — a:d «имя») еще в мешхедском говоре.

mura:t «цель» (ташк. murəd), ср. поговорку:

jaxšw-bilən jyrseŋ jetesən mura:tqa

jamam-bilən jyrseŋ qałasən¹ ujatqa

a:dam «человек» (ташк. ədæm), ta:za «чистый» (ташк. tɔzæ).

ba:ʎa «дитя» (ташк., андиж., верхне-шерхонск. bɔlə, ура-тюб. bæʎ, самарк., джизакск., каршинск. bala, туркест. baʎa), ba:ʎaŋ «дети» (ср. андиж. bollaŋ).

a:q «белый», a:ʎ-it «белая собака».

a:š «голодный», апац a:š «он голоден», qanɯm a:š «мой живот (qanɯ, qanɯ- ← *qarn-) голоден, — я голоден» (ср. ešikni aš «открой дверь!»).

wa:da bergən «давший обещание, — он обещал» (ср. самарк. wa'da).

na:n «хлеб» (ташк., самарк. nɔn, туркест. nan).

namaz «намаз» (ташк., анд., кок., джизак. nɔmɔz, самарк., каршинск. namɔz, казак-найм. nɔmaz).

qa:ʎaz «бумага» (ташк., кок., анд. qɔʎɔz, самарк., джизак. qɔʎaz; дублетная форма kɔʎaz), žuma:ʎu «муравей».

xuda:qa:zi (в произношении 80-летнего старика почему-то d вм. z: xuda:qa:di) «бог-судья».

assa:ʎam ɛɛjkum — приветствие السلام عليكم.

ja:r «возлюбленный,-ная».

dewa:na «юродивый» (ташк. dewɔnæ).

ʎa:j «грязь», a:j «луна, месяц», ba:j «богач» (но maj «масло», saj «речка») [ташк. lɔj, ɔj, bɔj, mɔj, sɔj].

qa:ʎun «дыня» (ташк. qɔwɯn), ʎa:la «тюльпан», sa:n «число».

Краткие а имеются, наоборот, в следующих словах:

qara «черный» (ташк., кок., анд. qɔræ, джиз. qɔra, Ура-Тюбе и ходжент. qæɔr, каршинск., катта-кург. qara, казак-найманск. qɔra; турк. и кыркск. qara), taʎ назв. дерева (ср. русск. *тальник*, тоже происходящее из тур. تال), taŋɯ «просо», darɯuz «арбуз», aʎma «яблоко», poxat «горох» (ташк. nɔxɔt, самарк. naxot, катта-кург. noxut, карш. naxut, андиж. noxæt, джизакск. noxat), paxta «вата, хлопок», jiʎaš «дерево» (ташк., джиз., андиж., кок. jɔʎɔš, самарк. jaʎɔš), ja:ʎanat «летучая мышь» (экв. самарк. šaralɔk), qanat «крыло» (самарк., джиз. qanɔt, каршинск. qænæt, андиж. qɔnæt, ташк., кок. qænɔt), ada boʎmas или ada oʎmas «не кончит» [коренной иканский глагол oʎ- «быть» в последнее время сильно вытесняется основой boʎ- — под влиянием туркестанского говора], qaʎam «перо» (ташк.

¹ Вместо разговорного (sɛn) qałasa(n).

qælæm), az «мало»; bi atnɯ maŋa be¹ «дай мне одну лошадь» (самарк. biŋ atni mangle ber), aqɕanɯ qoɭuma be «дай деньги в мою руку». [Примечание. Краткая форма суффикса dativi -a/-ε только после m, η притяжательного суффикса: øjime kel «приходи в мой дом», øjiŋε ket «иди (уйди) в твой дом», но øjiŋε baŋ «ступай в его дом»; аналогичный суффикс -a/-æ (после m, η притяжательного суффикса) характерен и для туркестанского говора: qoɭuma «в мою руку» и т. д.]

и: долгое и и краткое:

tu:z «соль» (туркм. du:ð || якут. tu:s и т. д.), su: «вода» (в прочих группах suw), u:n «мукá», qoɭuŋ u:ʃɯ «острие руки»,² т. е. четыре выставленных вперед пальца с острием в виде конца третьего пальца [ср. ташк. uɕ = üɕ «острие»], tu:t «тутовое дерево».

Наоборот и краткое мы встречаем в следующих, например, словах: tut-tu-m «я держал» (турк. tuttum, самарк. tuttim tuttum), sundurduŋ «ты сломал» (туркест. sɯndɯrdɯŋ, самарк. sindirdiŋ), aruq «худой, тощий», oʙul «сын», oʙɯm «мой сын», в суффиксе 3 лица (после губной основы) — oq-u «его стрела, или пуля», qoɭ-u jo:q «у него нет руки»; в основе oqu «читать» [напр. qani biziŋ oquʙan go:zâ-ju-nama:ziɯɯɯz «Где же пост и молитвы нами прочтенные?»] и т. д.

о: долгое и о краткое: jo:l (ср. якут. suol, сев.-кумыкск. juɭ [где и указывает на *o:]), jo:q «нету», o:n «десять» (o:n-tɔ:t «14»), do:zaɯ «ад», o:t/o:d- «огонь», o:dun «дрова», o:ɕaɕta o:dun bânâ jo:qna «в очаге дрова есть или нет?», to:n «халат», go:za «пост» (перс. روزه, самарк. goza), so:rdɯ a:damɯŋ qa:nɯɯ «сосал людскую кровь (про насекомых)» [но в sogâ «спроси!» — о краткое]. Случай о краткого напр. в следующем двустипии:

boza iʃtim baʃqa ɕɯqtɯɯ xumaŋɯ

ja:ŋ qojnuda qaɭduɯ mojnum tumaŋɯ («я вышел бузы, в голову вышло похмелье, на лоне возлюбленной остался мой шейный талисман»).

Разница между кратким и долгим гласным довольно ощутительна на слух, и отмечать ее не составило бы особых затруднений, если бы не наличие влияния посторонних говоров (главным образом туркестанского), которое весьма часто сказывается в речи иканцев (постоянно ездящих в г. Туркестан на базар и по прочим делам); поэтому проверять каждое

¹ В быстрой речи возможно и maŋa-we вместо maŋa be; ср. каршинск. maŋŋa-be, maŋŋa-we и даже maŋa-we, maŋa-be как и wɔ̄ ви. bɔŋ.

² В связи с этим выражением вспоминается индо-европейская этимология числительного «8» — *oktōŋ [объясняемого как dualis от основы, означавшей именно «острие (руки)», т. е. «4 (пальца)»].

слово приходилось по крайней мере у 5—6, а то и 10 лиц, причем только и возможно было изолировать факты «испорченного произношения» отдельных индивидуумов. Само собой разумеется, что в фактах этой метисации (смешения родной речи с туркестанским говором) отразилось и социальное расслоение населения кышлака: лица, находившиеся в постоянном общении с городом (Туркестаном), и в экономическом отношении стоят выше «средняка»; особенно же те, кто занимал административные и общественные должности (напр. председатель Сельхозтоварищества и т. п.), оказались [именно ввиду своих связей с местным центром — Туркестаном] совершенно ненадежными в качестве представителей своего родного говора.¹

В числе особенностей кратких гласных (в отличие от долгих) можно отметить также то, что краткие узкие (i и y) способны оглушаться в положении между глухими согласными (и главным образом не под ударением). Склонность эта (к оглушению, откуда дальше открывается возможность полной нулизации гласного) у иканских узких кратких (i и y) значительно меньше, однако, чем у ташкентского i mutabile (и u): ср. иканск. tiš || ташк. čiš | čš «зуб», иканск. tišler || ташк. čšlær «зубы».

Качественные отличия между долгими и соответствующими краткими, если и существуют, то во всяком случае невелики (меньше, чем в туркменском).² Внимание останавливается лишь на ш: долгом, которое (в частности в слове qш:z) произносится (как и в кара-булакском) в виде неоднородного гласного: шī. Изменение качества наступает здесь, однако, весьма постепенно, и во всяком случае отнюдь не придает гласному характера русского ы; разумеется, с психофонетической точки зрения тут речи не может быть о дифтонгическом сочетании фонем. Да и объективно, этот гласный относится к такого же рода полифтонгам, как и русское а в слове «искать» (начало гласного совсем не такое, как его конец, но для русского языкового мышления — гласный, бесспорно, един). Нет сомнения, что и краткое ш в позиции между данными согласными (q и z) тоже неоднородно, но внимание (русского наблюдателя) останавливается на полифтонгическом характере долгого ш: лишь потому, что здесь акустическое восприятие более длительно

¹ Укажу, например, следующий случай: записав у нескольких лиц (простых дехкан) слово qш:z «дочь» с долгим ш:, я — в числе контрольных опросов — обратился по поводу этого слова к одному из местных интеллигентов, который вопреки всем ожиданиям произнес не qш:z, но q^hz (или q^hz). И только «очная ставка» его с иканцами, говорившими qш:z, привела его к пояснению: «Да, в Икане говорят qш:z, но в Туркестане — q^hz» (т. е. qшz с точки зрения иканской психофонетики).

² Напомню разницу между туркменским а (напр. в baš «голова») и а: (в ba:š «язва»): при первом задняя часть языка приподнята выше, чем при а:.

(почему и заметен неоднородный его характер). И между данным ш: (в qш:z), с одной стороны, и подлинными дифтонгами других говоров (напр. в ташк. qjɲæ-məq قينەماق = قيناماق; или же в туркестанском qʲɲa-maq) есть, таким образом, громадная принципиальная (да и объективная) разница.

Равным образом вполне различны представления: иканск. i:, с одной стороны, и туркестанского ij (в jɲsæp «ты ешь», resp. ташкентского ij в kɲ-məq «одевать») — с другой; иканского u: и туркестанского uw (или ташкентского uw в سۈۈ قۈۈ); иканского y: и туркестанского uw (или ташкентского uw = ūw в كۈۈ).

Падение следовавшего за данным гласным согласного (главным образом r, l (l), n в закрытом слоге в часто употребительных морфемах) не влияет на количество гласного: долгий остается долгим (напр. в bɑ:-na «есть-ли?» ← *ba:r-na, tɔ:t «4» — ср. як. tyɔrt ← tɔ:rt; туркм. dɔ:rt), а краткий — кратким (т. е. Ersatzdehnung отсутствует): bi «один» (ср. самарк. bɪr, ташк. и туркест. bʲr), be «дай» (самарк., ташк., туркест., кыркск. андиж.-кок. beɾ), (mæn) beɾæmɛ, (sæn) beɾɛsɛ (ср. ташк., туркест. (mæn) beɾæmæn (sæn) beɾæsæn, самарк. (mæn) beɾamæn, (sæn) beɾasæn и т. д.), omaqʃɯ вм. oɪ-maq-ʃɯ (экв. самарк. bolmaqʃi).

Также и в том случае, где мы могли бы ожидать долгого гласного на основании аналогии с киргизским процессом в киргизском attu: ← atʲɯɬ,¹ в иканском мы находим краткий: иканск. elly «50» (ср. ташк. ellik/elli-, самарк. ellik и т. д.).

Однако взамен «гласного + ?» мы имеем долгий гласный — в wa:da «обещание» (ср. ташк. wædæ, самарк. wa'da).

Обращаясь к качеству отдельных гласных фонем, нужно остановиться на фонеме ε, которой иканский говор отличается от большинства узбекских говоров (прочих диалектических групп). Этимологически иканск. ε, как мы видели, соответствует туркестанскому æ,² и в иранизованных говорах — ташкентскому, кокандскому, андижанскому, ошскому æ, самаркандскому,³ джизакскому, каршинскому а. Для более наглядного пояснения качественных соотношений между этими говорами и гласными некоторых других языков, я разделяю гласные, занимающие промежуточную сферу между а и е на три типа: а, æ и ε.

¹ Из *at-ɬɯɬ с *ɬ ← *B.

² За исключением, конечно, sporadических случаев вроде иканск. kel || туркест. kel, ташк. и пр. kel || самарк. эронийск. gal.

³ Как и в самарк. эронийском, по крайней мере, у молодого поколения.

1) К первому из них я отношу французское а (в *patte*), весьма недалекое от эстонского «а» (не «ä» = æ!), с которым у меня и была возможность непосредственно сравнивать узбекские звуки. Самаркандское а (напр. в *balä* «ребенок», *maä* «я») в общем приравнивается к эстонскому а (не «ä»), хотя и вызывает (у представителя эстонского языка) замечание: «это звук немножко более передний (чем эст. а), т. е. несколько уклоняющийся в сторону «ä» (= æ)».

2) Зато ташкентское æ¹ (как и персидское мешхедское æ = о) определенно приравнивается уже к эст. «ä», но не к эст. а.

Таков же, в общем, и гласный æ в кокандско-андижанской подгруппе (где ташкентским æ о соответствуют 3 фонемы:² æ а о). Мы имеем здесь, следовательно, гласные того же типа, что и английское æ (в *man*) или татарское æ (о).

3) К третьему типу я отношу азербайджанское ε,³ оцениваемое эстонским ухом как звук средний между «ä» (= æ) и «е» (= е).

И вот сюда-то отойдет и иканский звук (ε). Повидимому, того же характера и таранчинское ε (чередующееся с i — напр. в εг «муж»/ir-i «ее муж», εl «народ» и т. д.; не смешивать с е, чередующимся с а в ат/et-i «его лошадь»), хотя в том индивидуальном произношении (таранчинца), которое я наблюдал, ε было, кажется, несколько шире (т. е. ближе к æ), чем рассматриваемый нами здесь иканский звук (ε).

Схематизирую:

1. Азерб. (ганджинск.) ε [= «ə»] иканск. ε.

таранчинск. ε.

2. Туркест. æ ташк. æ кок.-андиж. æ эст. æ [= «ä»] татарск. æ.

3. Самарк. (и каршинск. и т. д.) а франц. а [= «а» в *patte*].

эстонск. (Ревельск.) а.

О качестве прочих гласных трудно сказать что-либо сверх того, что нужно было бы говорить о вокализме всех вообще узб. неиранизованных говоров. Различные же оттенки фонем типа «ы» (иканск. щ, туркест. ь

¹ Например во 2 слове *bolæ*, *maen* «я» и т. д.

² Как и в казак-найманском (сингармонистическом, собственно-узбекской группы); распределение фонем æ а о здесь, однако, совсем иное, чем в кок.-андиж..

³ В ганджинском говоре, напр. в *ni:ze* «копье», *εг* «муж», *εl* «народ» (ср. *εl* «рука»), *εt* «мясо». В азербайджанской латинице — ə.

и т. д.) есть гораздо более данных рассматривать не в связи с иканскими, а с каким-либо другим из не-иранизованных говоров.

Согласные фонемы [с вариациями, свойственными сингармонистическим говорам вообще; ср. сказанное по поводу туркестанского консонантизма]:

p									
	b		w			m			
t		s		š	č				
	d		z		ž	n	l [l]	r	
			j						
k									
	g					ŋ [N]			
q		x							
			ʙ						
		h							

Отличием от прочих групп служит не качественная характеристика, а главным образом распределение отдельных согласных фонем, в частности звонких d ž (в тех же случаях, что и в туркменском) на месте t č в прочих узбекских диалектах, напр., -inžī в birinžī и т. д. а:ž-εkε(n) «был голоден», а:dʃŋ «твое имя», о:duŋ «огня», о:duŋ «дрова» и т. д.

В заключение назову несколько других признаков, отличающих иканск. от прочих групп узбекских говоров:

1. Более обширная область лабиально-сингармонистических чередований, чем в туркест.: так же чередуются только узкие гласные (ш | u | i | y), но уже не только в закрытом (qoʁ-um), но и в открытом слоге (qoʁ-u, oq-u).

2. Genitiv. на -шŋ | -uŋ | -iŋ | -yŋ (югозападно-турецкая черта).

3. Dativ. на -a | -ε после m, ŋ притяжат. суффикса (как и в туркест. — см. выше).

4. Конечное č (или č ← ž) → š (см. выше: аš «открой», а:š «голодный» и т. д.).

5. Ablativ. на -duŋ | -tuŋ | -diŋ и т. д. (как и в туркест.).

6. Ряд специфических словарных особенностей (напр. jaŋʙanat «летучая мышь» и т. д.), иногда совпадающих с туркест. (čoraq «ящерица» || тапк. kæltæ-kesæk), но большей частью своеобразных.

7. Progressiv.: barajapma(n) barajapsa(n) и т. д. kelejapme(n) kelejapse(n) и т. д.

8. oʻ- (Infinit. omaq ← oʻ-maq) вместо boʻ- «быть» (югозападно-турецкая черта); впрочем, под влиянием других говоров (туркестанского), проникает и boʻ-.

В заключение приношу благодарность Комитету Узбековедения УЗНКПроса за командировку, к материалам которой относятся настоящие два (I и II) выпуска «Образцов», и моему незаменимому спутнику дорогому т. Абдулхаку Султанову за всестороннюю помощь.

Сентябрь 1927

1934

N 23

№ 1

**ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**

VII СЕРИЯ

ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

**BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES**

VII SÉRIE

CLASSE DES SCIENCES SOCIALES

**ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР**

ОБРАЗЦЫ НЕ-ИРАНИЗОВАННЫХ (СИНГАРМОНИСТИЧЕСКИХ) ГОВОРОВ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Е. Д. ПОЛИВАНОВА

(Представлено академиком А. Н. Самойловичем)

III. КАЗАК-НАЙМАНСКИЙ ГОВОР¹

Говор нескольких кышлаков, принадлежащих роду Казак-Найман (qazaq-naïman в местном произношении) и расположенных в непосредственной близости от г. Самарканда,² представляет для узбекской диалектологии двоякий интерес: во-первых, — как достаточно доброкачественный образец «собственно-узбекской», или так наз. «Кыпчакской» группы узбекского языка;³ во-вторых, — как говор, на котором в максимальной, может быть, степени — по сравнению с прочими «собственно-узбекскими» — сказалось влияние иранизованного диалекта в лице самаркандского говора,⁴ что находит, конечно, естественное объяснение в географическом положении казак-найманской территории.

В связи с этими обстоятельствами я и позволю себе в перечислении особенностей, характеризующих к.-н. говор, держаться следующего порядка: сначала я назову те черты, которыми к.-н. отличается от своего

¹ Первые две части «Образцов» см. ИОГН, 1929, № 7, стр. 511 сл. Настоящая часть составлена из материалов командировки 1929 г. от Туркологического кабинета Академии Наук СССР.

² Ближайший из этих кышлаков лежит всего в 7—9 км от старого города Самарканда, а от Багишамальского квартала — всего в 4—5 км.

³ Группа эта представляет собою, повидимому, язык наиболее поздних турецких пришельцев в Среднюю Азию, — язык, наиболее близко стоящий — по сравнению с прочими узбекскими группами — к казакскому языку и относящийся вместе с последним к «северо-западной» группе турецких языков.

⁴ Являющегося, в сущности, диалектологическим антиподом к «собственно-узбекской» группе (и относящегося, как и вся «ташкентско-бухарская городская» группа, уже не к северозападной, а к юговосточной группе турецких языков).

соседа — самаркандского говора; ясно, что при этом выяснятся, по преимуществу, специфические признаки «собственно-узбекской» группы (т. е., по крайней мере, признаки, дифференцирующие «собственно-узбекскую» группу от «самаркандско-бухарской» подгруппы «ташкентско-бухарской городской» группы узбекских говоров); рядом же с ними окажется и несколько черт иного происхождения — являющихся специфическими для к.-н. диалектизмами внутри «собственно-узбекской» группы, но вполне независимых от самаркандского влияния (и не находящихся себе параллели в самаркандском говоре). И, наконец, во втором разделе будут перечислены те черты, которые будут сближать к.-н. с самаркандским — в отличие от наиболее неприкосновенных представителей «собственно-узбекской» группы (напр. кыркского и т. п. говоров); и в числе этих признаков, в свою очередь, будет отмечена черта, которую позволительно рассматривать как непосредственный результат влияния городской речи.

А. Черты, дифференцирующие к.-н. от самаркандского говора

1. В первую очередь позволю себе назвать то важнейшего порядка отличие, которое, хотя и не принадлежит к признакам данного говора как определенной языковой системы, но определяет диапазон коллективного языкового мышления носителей этого говора (в связи, разумеется, с социально-экономической их ситуацией): казак-найманцы не двуязычны, тогда как самаркандцы¹ двуязычны. Именно, большинство казак-найманцев — и те из них, в частности, кто является характерными представителями говора, т. е. беднейшая часть населения казак-найманских кышлаков, — по-таджикски или вовсе не знает или знает весьма недостаточно. Для большинства индивидуальных мышлений, при этом, не может также идти речи о дифференцированном усвоении двух узбекских говоров: своего родного (казак-найманского) и городского (самаркандского).²

¹ Имею в виду, конечно, основное мусульманское население Самарканда: таджиков и узбеков. О прочих национальных группах самаркандского населения надо говорить особо: в частности, напр., туземные евреи, в общем, скорее одноязычны, чем двуязычны, т. е. значительная часть их не знает (или плохо знает) по-узбекски. Местные «эрони», наоборот, знают эронийский и узбекский, но часто не знают или недостаточно знают таджикский язык. И, наконец, туркмены (эрсари) квартала *kola wot* являются трехязычными (не считаю, конечно, случаев знания четвертого языка — русского).

² У некоторых местных интеллигентов наблюдалось, правда, нечто вроде такого двуязычия, но и то далеко не в выдержанном виде; между прочим, наблюдалось и влияние дру-

2. Так как критерием, позволяющим квалифицировать тот или иной узб. говор как *сингармонистический*, я считаю наличие лингвально-сингармонистических чередований в суффиксах словоизменения (и, следовательно, наличие принципиального деления основ и слов на «передние» и «задние»), то к.-н. говор может считаться в полной мере удовлетворяющим понятию сингармонистического узб. говора (несмотря на почти полную ликвидацию в нём лабиально-сингармонистических чередований — см. ниже. Так из суффиксальных чередований гласных мы встречаем здесь а|æ (напр. *ot-lar* — *iš-lær*), ш|i (напр. *ot-lar-ш* — *iš-lær-i*), а спорадически также и u|y — в тех дублетных формах, где уцелевает лабиально-сингармонистическое чередование ш|u и i|y (напр. *tut-up* — *køg-up* при *qsh-шр* — *kel-ip* и т. п., см. пункт 17).

В связи с признаком сингармонизма стоит, разумеется, и различие в составе вокализма — по сравнению с самаркандским и вообще иранизованным вокализмом: вместо 6 самаркандских гласных фонем в к.-н. различаются все 9 фонем, типичных для вокализма сингармонистических узб. говоров: *ieæuøшао*; добавлением же к ним служит еще десятая гласная фонема *э* (см. пункт 26). Таким образом, к.-н. систему гласных можно схематически представить в виде следующего перечня фонем (по принципу «треугольника гласных»):

передние		задние	
i y		ш u	
e ø		o	
æ		a ^o	

В системе консонантизма сингармонистический характер говора обнаруживается, разумеется, в наличии парных вариантов каждого согласного (за исключением, конечно, *q* — *k* и *ʁ* — *g*, считающихся уже самостоятельными фонемами), причем наиболее явное для наблюдателя различие этих вариантов (заднего и переднего) констатируется в паре *ʁ* — *l*. Замечу, впрочем, что звук *ʁ* к.-найманского говора нельзя отождествить с русским «л твёрдым», и весьма часто, особенно при быстрой фонации, русское ухо

гих «Кыпчакских» говоров, сказывавшееся в индивидуальной постановке а вместо к.-н. э, так что такой интеллигент не мог рассматриваться ни как представитель казак-найманского, ни как представитель самаркандского говора.

не отличает его от *l* (приравнивая, следовательно, к нашему *l* в произношении названия муз. ноты *la*). Иначе говоря, качественное отличие к.-н. *l* от *l* меньше (или, по крайней мере, бывает меньше), чем отличие русского *l* (*лз*) от *l* (в назв. ноты *la*).

Несмотря на бесспорную сингармоничность (в вышеуказанном смысле) к.-н. говора, в нем, как и в других сингармонистических говорах узб. языка, имеется известное число «ломаных» слов (большей частью заимствованных): напр. *əjnak* (сам. *əjnak*) «очки», *čajnik* (сам. *čajnak*) «чайник», *nika* «свадьба» — *Dat. nika-va* «на свадьбу» (ср. манкентск. *nika:-va*), *tak* (сам. *tək*) «виноградник» и пр.

3. Гласные *e* и *o* отличаются от самаркандских (ультра-узких) *e* и *o* меньшей степенью затвора: в русском восприятии к.-н. *e* и *o* оцениваются обычно именно как звуки акустических типов Э и О (в отличие от самаркандских и ташкентских звуков, весьма часто смешиваемых с рус. И и У). Тем не менее к.-н. *e* и *o* вовсе не являются «открытыми» вариантами типов Е и О (т. е. *ε* и *ο*): это — нормальные «узкие» *e* и *o* — тех же приблизительно степеней затвора, что и французские *e* и *o* (в *l'été, dé, beau, l'eau*). Убедиться в этом отличии к.-н. *e* и *o* от самаркандских я имел неоднократную возможность, заслушивая чередующиеся произношения одних и тех же слов самаркандцем и казак-найманцем (в частности — слов *el, et, on* и т. п.).

В том же смысле мы можем назвать «закрытым» или «узким» звуком и к.-н. *ø*.

4. Начальному *j* ташкентско-бухарских, Ферганских, северно-узбекских не-туркменизованных и туркменизованных говоров в к.-н. соответствует *ž*, что можно считать нормальным для «собственно-узбекских» говоров вообще: *žtan* || сам. *jətnən*, *žoq* || сам. *joq*, *žə-mæk* || сам. *jə-məq*, *žuzum* «виноград» и т. д. То же *ž* ← нач. *j* мы имеем здесь и в позиции перед *ш* (где в самаркандском нередко **j* → нуль): *žir* || сам. *ir* «шнур», *žštan* || сам. *ilən* «змея», *žšl* || сам. *jil*.¹ Однако в нескольких словах нач. *j* встречается и в к.-н.: *jigirmæ* || сам. *jigirma* «20», *jəxšš* || сам. *jəxši*, *jə* || сам. *jə* «или», *juz* «100», *juz* «лицо».

С другой стороны, *ž* вм. не-начального *j* мы находим в к.-н. *pəžəq* || сам. *pəjəq* «рядом».

¹ Но *il* возможно в Sandhi, напр. *uč il* «3 года».

5. Фонема *f* отсутствует, заменяясь через *p*, что характерно, впрочем, и для чрезвычайно многих иранизованных говоров (но не сам.¹ и бух.): напр. эртаp || сам. эфтəb 'солнце'.

6. Равным образом отсутствует и «гамза» ɣ (в самаркандском заступавшая место и арабск. ɣ и арабск. ɣ); отсутствие этой фонемы опять-таки типично для большинства (массовых) узб. говоров. Напр. ʒита || сам. ʒитɣа, дублетная форма ʒутта *اچۇتتا*.

7. Конечн. *ɤ → ɥ (= w) — это так наз. «признак *tau*-группы» по классификации А. Н. Самойловича, на основании которого — вместе с признаком *səɣʃ* (см. пункт 8) и некоторыми другими — следует относить «собственно-узбекские» говоры к северозападной группе тур. языков (вместе с казакским, татарским и пр.). Напр., таɥ = *taw* 'гора' || сам. тəɣ, ɣоɣгаɥ 'колокол', əɣʃ-таɥ 'болеть', и т. д. По аналогии к таким формам, как Imperativ. и Praeterit. (напр. от глагола *jəw-таɥ — Praeterit. ʒəɥɥ = ʒawɥɥ) w ← *ɤ переносится и в позицию перед гласными — в Praesens и т. п. формах: ɣəɣ ʒəwəɥɥ 'снег идет' || сам. ɣəɣ jəwáɥi; hawə² ʒəwáɥɥ 'дождь идет' || сам. jəwɥur jəwáɥi (ср. то же явление, напр., в касимовском татарском: ɣar ʒawa 'снег идет').

8. *səɣʃ* 'желтый' (без конечного q!) || сам. sariq и т. п.

9. Заднеязычный носовой ɣ произносится без призвуха *ɣ* (тогда как в сам. в большинстве индивидуальных говоров ɣ^ɣ- и даже ɣ^{ɣk} в ауслауте).

10. ɣ-g → ɣɣ, напр. ɣəɣaɣɣа || сам. ɣəɣəɣ/ɣ-gə 'в котел'.

11. Личн. местоимения 1-го и 2-го л. звучат *mən sən*, но не **mæn* **sæn*; в сам. *mən sən*, в ташк. *mæn sæn* и т. д. (в иканском тоже широкий гласный — *mən sən*).

12. Слово 'юрта, дом' звучит *uj* (но не **øj*, как в иканском) || сам. *oj*.

13. В к.-н. употребляется Locativ. на -da | -də | -ta | -tə, тогда как в сам.-бухарской подгруппе вместо него используется Dativ. на -ga | -ka.

¹ Однако и в сам.-ом мы встречаем *p* из *ft* в комплексе *bir-ʒup-kiši*, 'вдвоем' букв. 'одна пара людей'; ср. напр. поговорку:

təʃkəŋga bərduk uɕ kiši
qajtip kəlluk bir-ʒup-kiši
ʃerigimni ətɪ aʃraɣ
jərmaŋkaga qəldi qiʃlap

² В к.-н. вместо *ʒəwɥur ʒəwáɥɥ* обычно говорят *hawə ʒəwáɥɥ*, т. е. 'воздух дождит'

14. Чередования $-n$ | $-d$ | $-t$ (n после гласного, d после звонкого, t после глухого согласного на конце основы) в суффиксах Gen.-Асс. $-ni$ | $-di$ | $-ti$ носит в к.-н. регулярный характер, тогда как в самаркандском наряду с формами в роде $ot̄ti$ (к.-н. $ot̄tu$), $adam̄di$ (к.-н. $adam̄tu$) и т. п. встречаются и, пожалуй, обладают еще большей употребительностью их «корректные», т. е. подновленные или просто заимствованные из лит. языка дублеты: $ot̄ni$ $adam̄ni$ и т. д.

15. После носовых суффикс мн. числа имеет форму $-nar$ | $-nær$: $adam̄nar$ (сам. $adam̄lar$), $xot̄unnar$ (сам. $xot̄unnar$), $təgnar$ (сам. $təgnlar$).

16. Суффикс Ablativi имеет форму $-nan$ | $-næn$ после носового на конце основы: $adam̄nan$ $kyn̄næn$ и т. д. Впрочем Abl. от причастий на $-van$ | $-qan$ | $-gæn$ | $-kæn$, употребляемый весьма часто перед послесловом $-kejin$ | $-kæjin$ ('после'), произносился во всех попавшихся мне случаях с $-d$, а не с $-n$.

17. В к.-н. наблюдается переход $u \rightarrow \text{ш}$ («ь») и $y \rightarrow i$ в тех же, в общем, условиях, как и ташкентский переход $u \rightarrow i$: напр. $xot̄un$ || сам. $xot̄un$, $temir$ || сам. $temur$ (ср. ташкентск. $xotin$, $temir$) и т. д. и т. д. — см. тексты *passim*. В связи с этим переходом и, следовательно, утратой гласных $*u$ и $*y$ в целой массе случаев в позициях не-первых слогов, в к.-н. естественно стала невозможной губная гармония гласных — даже в той мере, в какой она еще констатируется в известных индивидуальных говорах в самаркандском (см. Образцы иранизованных говоров узб. языка, вып. II. ДАН-В, 1928, стр. 306). Мы не только имеем здесь, следовательно, такие формы как $ov-\text{ш}$ (ср. кыркск. $ov-u$, но сам. $oq-i$) или $qo\text{ł}-\text{ш}$ (кыркск. $qo\text{ł}-u$, но сам. $qol-i$) и т. п., но и $ov-\text{шт}$, $qo\text{ł}-\text{шт}$, $köz-im$, $oldirdik$ (в сам. $oldurduk$) и т. п.: иначе говоря, не только нет «губного притяжения» в открытых слогах, но оно исчезает здесь и в закрытых слогах.

Впрочем, указанный делабиализационный процесс ($u \rightarrow \text{ш}$, $y \rightarrow i$) нужно, строго говоря, считать не завершенным, а лишь завершающимся, дело в том, что спорадически, наряду с формами, содержащими $\text{ш} \leftarrow u$, $i \leftarrow y$, попадают и дублеты к ним (особенно в быстрой речи), где еще имеются гласные u , y : напр. $pu\text{ł}-\text{шт}$ наряду с $pu\text{ł}-\text{шт}$, $juw-\text{ур}$ наряду с $juw-\text{ур}$, $tur-\text{ур}$ наряду с $tur-\text{ур}$ и т. д. (просмотрев мои тексты *passim*, читатель найдет в них несколько случаев этих лабиально-сингармонистиче-

ских дублетов). Таким образом, в виде пережитка, спорадические явления лабиального сингармонизма в к.-н. все-таки имеют место, т. е. гласные *u, y* непервых слогов факультативно уцелевают от перехода в *ш, i*, именно в том случае, если в первом слоге имеется губной гласный *o, u* или *ø, y*;¹ при этом данные узкие лабиализованные гласные не-первых слогов (*u, y*) констатируются чаще всего именно тогда, когда ассимиляции (т. е. уподоблению узкого гласного не-первого слога губному гласному предшествующего слога) способствует быстрый темп речи.

18. Несмотря на то, что к.-н. формы *Progressiv'a* (*qsh(a)járpaŋ qsh(a)járpaŋ* и т. д., *kel(æ)járpaŋ kel(æ)járpaŋ* и т. д.) по этимологии своей совпадают с самаркандскими (*qilópmān qilópsan . . . kelópmān kelópsan . . .*), фонетический их состав — «собственно-узбекский» (т. е. характерен и для других «собственно-узбекских» или «кыпчакских» говоров): *j* сохраняется, *p-m* в 1 лице ассимилируется в *pp*. Надо обратить внимание и на сингармонистические чередования в последнем слоге: *a* в *qsh(a)járpaŋ*, но *æ* в *kel(æ)járpaŋ* и т. п. — несмотря на то, что в предшествующем (предпоследнем) слоге² во всех случаях будет *a*. Этот факт характерен, между прочим, в том отношении, что доказывает морфологический (а не фонетический лишь) характер сингармонизма: если бы чередование гласных *a | æ* механически зависело от характера предшествовавшего гласного, то мы во всех формах *Progressiv'a* (— от всех глаголов) имели бы . . . *járpaŋ, . . . járpaŋ*.

19. В Дательном мы встречаем суффикс *-a | -æ* вместо *-ba | -gæ* — если предшествует притяжательный суффикс 1-го или 2-го л.: *ot-šm-a* вм. *ot-šm-ba* и т. д. (ср. то же явление в туркестанском говоре;³ оно типично, с другой стороны, для «собственно-узбекских» вообще). Впрочем, у молодежи эти формы уже вытеснены формами *otšmba* и т. п.

20. Чередования *p | b-, k | g-, q | ɣ-* имеют в к.-н. более широкое распространение, чем в самаркандском: сюда относятся такого рода случаи как *šir — šibi* (сам. *ip-i*) 'его шнур', *tak — tag-iŋ* (сам. *tək-iŋ*⁴) 'твой виноградник', *oq — oŋ-š* (сам. *oq-i*) 'его стрела'.

¹ Гласный *o*, как исторический заместитель **a* первых слогов (см. ниже), разумеется, не может иметь этого влияния (т. е. вместо *boŋ-šir* совершенно невозможна форма *boŋ-up* и т. п.).

² Восходящем к стяжению *deepricaštiya* ياتب от глагола يات ('лежать'), игравшего здесь роль вспомогательного глагола.

³ Не принадлежащем, конечно, к «собственно-узбекским» говорам.

21. Суффикс причастий настоящего времени — *-duʃʌn* | *digæ̃n*, тогда как в самаркандском — *-tukən* (дублет *-tugən*).¹ Ср. тапк. *-digæ̃n*.

22. В нескольких случаях в к.-н. мы встречаем (как и в других собственно узбекских) начальное *p* в соответствии самаркандскому *b*: *pit* 'вошь' (сам. *bit*), роқ 'говно'. Но в слове *but* 'христ. крест' — в к.-н. *b*, а не *p*.

23. В словах *čaj* 'чай', *čajnik* 'чайник', *čajdiš* (Pluralis *čajdišlær*) (назв. туземного самовара) — в отличие от самаркандского — произносится *a*, но не *o* (в сам. *čoj*, *čojnak*, *čojšöš*).² В этом, может быть, можно видеть непосредственное влияние русских слов чай, чайник. Во всяком случае, знакомство с данными словами к.-н. говор получил не из Самарканда.

24. Несмотря на то, что спирант *ž* (ж) не является чуждым к.-н. говору (как и сам.), встречаясь, в частности, в словах *wižžak* (сам. *biž-žak*) 'скрипка', *wiždan* (сам. *wiždən*) 'совесть'³ и нек. других, мы имеем случай соответствия «к.-н. *j* || сам. *ž*», — *ajdafiär* || сам. *aždafiö* 'дракон, крокодил'.

25. Формация *Potentialis*'а из деепричастия наст. врем. плюс *ئالماق* (*äl-maq* 'взять, брать, получать') в к.-н. уже подверглась универбации, причем в виде нормы, т. е. в статистически-преобладающем количестве случаев, формы эти являются полностью сингармонистичными: напр. *žejæl-mæjmæn* (1 л. Praes. Neg. Potential.), *žejælmægæn* (Part. Praet. Neg. Potent.) — от *že-mæk*; *turałmajman*, *turałmaʃan* — от *tur-maq*; и т. п.

Само собою разумеется, что всех отличий к.-н. от самаркандского (и уж, конечно, отличий словарного порядка) здесь невозможно перечислить; во всяком случае, непосредственно из нижеприводимых текстов может быть усмотрен ряд признаков в дополнение к вышеперечисленным.

Б. Черты, отделяющие к.-н. от других — более типичных — представителей «собственно-узбекских» или «Кыпчакской» группы (в частности, напр., от Кыркского и т. п. говоров).

26. Наличие десятой гласной фонемы — *o* (сходной с самаркандским *o*), встречающейся исключительно в первых слогах — на месте ожидаемого *a*:

¹ При чем эта форма суффикса является специфическим самаркандским отличием.

² Вторая часть слова — таджикск. *جوش*, в самарк. она осталась без изменений; в туркестанском же — *čajdøš*.

³ Слово, разумеется, редкое (книжное).

напр. *эт* 'лошадь', 'имя' — Pluralis *эт-лар*, *э́э* 'место' — Locativ. Pluralis *э́э-лар-да*; *эта* 'отец' (сам. *этә*), *қәл-мақ* 'оставаться' — Praesens *қәламан* и т. д. Примеров на это *э* ← *а* (в первых слогах) так много [см. тексты *passim*], что можно даже обобщить это явление в виде правила: почти каждое **а* первого слога заменено в к.-н. через *э*. Эту подстановку (*э* ← *а*) мы встречаем, между прочим, в равной мере, и в тех даже случаях, где самаркандский имеет в данном первом слоге не *э*, но *а*: напр. *э́ман* || сам. *jamən* 'плохой', *э́қшн* || сам. *jaqin* 'близкий', *бо́ла* || сам. *bala* 'ребенок', *пә́эқ* || сам. *pagjoq* 'рядом', *пә́маз* || *naməz* 'намаз' и т. д. Правда, в известном, относительно небольшом количестве слов мы находим исключения из вышеупомянутого закона, т. е. наличие *а* в первом слоге. Таковы, в частности, слова: дублет к слову *э́хш* — *ја́хш* (сам. *jaxši*) 'хороший' (очевидно, просто под самаркандским влиянием), *һа́ва* (сам. тадж. и узб. *hawa*) 'воздух' [употребляется также в словосочетании *һа́ва э́вадш* 'дождь идет' вм. *э́тмшг э́вадш*], *саман* (сам. *saman*) назв. лошадиной масти [но *сэ́ман* — 'солома', откуда и *сэ́ман э́ош* || сам. *səman joli* 'Млечный путь'], *та́ң* (сам. *təŋ*) 'гора', *ча́й сайник* *ча́йдиш* — см. выше п. 23, *а́йдаһар* (сам. *ajdarho*) 'дракон, крокодил', *та́к* (сам. *tək*) 'виноградник', *ча́с* 'волосы', *а́лаң* 'огонь', *ха́та* (сам. *xatə*) 'ошибка', *атра́п* (сам. *atrəf*) 'окрестность', *га́йхан* назв. растения, *ва́қ* 'время' (*waqt-шм* или *waxt-шм* 'мое время'), *һа́мсаја* 'сосед' (но *сэ́ја* 'тень'), *ахшш* 'наконеч', *аршш* 'тощий' (ср. *эгшш* 'арык'), *ма́йрам* 'праздник', *ха́шш* 'мул', *һа́лак* 'гибель', *һа́дамақ* 'гнать', *жа́на* 'новый', *жа́ра* (сам. *jafo*) и ряд других. Несмотря на возможность догадываться о мотивах отступления от нормы *э* ← **а* в некоторых из этих слов, мы далеки еще от того, чтобы дать объяснение этому ряду исключений полностью.

Об обратных же исключениях, т. е. о случаях гласного *э* в не-первом слоге, наоборот, говорить почти совсем не приходится. Даже в таких прозрачных по конструкции сложных словах, как напр. *э́б-баг-шр* (← *تالىب بارىب*) или *э́л-bastш* (назв. мифического существа), во втором элементе сложения мы находим *а*, но не *э* — несмотря на глагольные основы *бэг* и *бэс* вне сложения (*бэг-шр* 'пойдя', *бэс-тш* 'он подавил'). И лишь в такого рода явных новообразованиях, как копулятивное (т. е. типа Dvandva) Compositum *эта-бо́ла*, вторая его часть (*бо́ла*) сохраняет свое *э* (что не требует, разумеется, никаких комментариев, и только подтверждает, в сущности, вышеизложенный закон — о гласном *э* как о признаке начального

слога слова). Для полноты оговорю, однако, две встретившихся мне дублетных формы: 1) наряду с *əbbəɣɪʁ* в моих записях есть и дублет *əbbəɣɪʁ*, который был, кроме того, заслушан мною еще от одного из интеллигентных казак-найманцев; 2) наряду с обычным для к.-н. *əptawa* (назв. сосуда для воды) от одного из местных интеллигентов я записал *əptəwa* (которое затем и самим объектом наблюдения было транскрибировано узбекской латиницей в виде «*aptawə*»). Но, не говоря уже о том, что второй из этих примеров заслушан от интеллигента (т. е. от сомнительного представителя говора), он, как и первый, опять-таки лишь подтверждает основное правило: народная этимология (*Volksetymologie*), без колебаний, выделяет в ئاپتاۋا первый элемент *əp-*, приравнивая его к персидскому (хорошо известному в узб. языке) آب 'вода'. Следовательно, слово создается как некое *Compositum*, и вторая часть его — *-tawa* (хотя и неясная по значению — так же, как, напр., неясен для нас элемент *-патк-а* в русском куро-патк-а), тоже рисуется данному языковому мышлению как некая особая основа, а потому и получает (вернее, может получать) внешний признак самостоятельного слова — *ə* (вм. *a*) в первом своем слого (т. е. *əp-təwa* вм. *əptawa*).

Обращаясь к вопросу о причинах рассматриваемого явления (*ə* вм. *a* в первых слогах), естественно допустить самое простое объяснение в виде влияния иранизованного городского диалекта (ташкентско-бухарской группы). Непосредственная близость к.-н. территории к Самарканду, казалось бы, говорит за то, что черта эта заимствована именно из Самарканда. Но никаких чисто лингвистических указаний на это (т. е. на то, что источником «*ə* ← *a* первых слогов» является именно самаркандский, а не какой-нибудь другой говор ташкентско-бухарской группы) мы не имеем, а потому должны оставить этот вопрос открытым — по крайней мере до исчерпывающего обследования прочих найманских говоров (напр. кара-найманского и пр.) — когда выяснится, насколько данная черта (*ə* ← **a* первых слогов) может считаться характерной для говоров всего рода Найман.

Чем же объясняется, однако, что *ə* ← **a* (в котором мы видим, как только что было сказано, результат влияния иранизованного диалекта) ограничивается именно лишь позицией в первых слогах?

а) Во-первых, здесь надо обратить внимание на распределение фонем *ə* и *a* (respect. *ə* и *æ*, как в ташкентском) в самих иранизованных говорах (ташкентско-бухарской группы) и в частности в самаркандском.

аа) среди односложных имен слова типа *otq on bor¹ oq boj zoj* и т. д. (т. е. с гласным *o*) бесспорно доминируют — и в самаркандском и в ташкентском (как и в прочих говорах ташкентско-бухарской группы) — над типом *ma j pa j* и т. п. (т. е. с гласным *a*, respect. с *æ* в ташк.). Число слов последнего типа (с *a*) оказывается настолько малозначительным, что языковое мышление найманцев могло их в данном случае просто не учитывать. А надо принять во внимание, что именно односложные слова и должны были представить преимущественную важность для фиксации внимания на их фонетическом составе (в мышлении сталкивавшихся с городским говором найманцев) — не только в силу их относительной многочисленности и элементарных (а потому и частоупотребительных) значений у многих из них, но и в силу того общего положения, что каждый из отдельных звуков, входящих в состав более краткого комплекса (слова), апперцепируется (да и осуществляется — т. е. произносится) с большей ясностью, чем звуки в составе длинных слов.

бб) В суффиксах же именного словоизменения звук *o* не встречается (как в самаркандском, так и в ташкентском) вовсе, если не считать только суффикса усилительной степени прилагательных имен — *-roq* (← обще-тур. *~*ga:q* | *~*re:k*). Таким образом, суффиксальные формы от односложных основ типа *ot qon* и т. п. вполне могли служить (для найманцев, сталкивавшихся с городским говором) материалом, позволявшим сделать вывод о том, что звук *o* типичен для первого, а звук *a* (— в самаркандском), наоборот, для не-первых слогов: ср., напр., такие формы, как *Pluralis ot-lar*, *Dativ. ot-ka*, *Dativ. Pluralis ot-lar-ga* (в к.-н. — *otlar*, *otqa*, *otlarva*).

вв) В звуковом составе глагольных основ (иранизованных говоров) мы найдем аналогичные же или даже еще более благоприятные для вышеуказанного вывода (о принадлежности *o* к первым слогам) данные. Из двух типов 1) односложных и 2) двусложных глагольных основ большинство — по крайней мере, элементарных по значению и часто употребительных — глаголов принадлежит к первому типу; но именно в нем (т. е. среди односложных глаголов) почти вовсе отсутствуют основы с гласными *a* (в самаркандском). Наоборот, количество глаголов типа *ol qol bor tor jor jon jor tort* и т. д. (т. е. с гласным *o*) чрезвычайно велико. Правда, в двусложных основах преобладает тип *sa pa tašla* и т. д. (т. е. с двумя *a*), но

¹ بۇر в значении 'наличие, есть, имеется' является, с точки зрения тур. морфологии, именем, а не глаголом.

в статистическом отношении основы этого состава бесспорно отступают на задний план по сравнению с односложными типа *əl qəl bər tər* и т. д.

гг) В глагольном словоизменении мы опять-таки (как и в именном) почти не встречаем суффиксов с гласным *ə*. Исключением является лишь суффикс *Infinitiv'a -mər*,¹ да еще специфический для самаркандского суффикс *Partic. Praesentis -tukən* (или *-tugən*; в ташк. *-dīgæn*).

Таким образом, вся совокупность суффиксов словоизменения, как именного, так и глагольного (за вычетом лишь вышеупомянутых *-гэр*, *-мэр* и — в самаркандском — *-tukən*), способна говорить в пользу вывода о том, что из двух широких гласных (*ə* и *æ* — как в сам.) в не-первых слогах нормальным является гласный *æ*, но не *ə*.

дд) Что же касается двусложных именных основ, то в них, по крайней мере, в самаркандском говоре, и звук *ə* и звук *æ* одинаково могут, в общем, встречаться и в первом и во втором слоге (ибо существуют, напр., следующие типы слов: *ətə* [или *хəпə*], *bələ*, *jəmən* и, наконец, сравнительно редкий тип слов: *bələ* [или *dawə*, *xatə*, *həwə*]. Но надо заметить, что в ташкентском, наоборот, звук *ə* гораздо более част в первом слоге, чем в самаркандском (где данному ташк. *ə* очень часто соответствует *æ*): ср. сам. *bələ* || ташк. *bələ* [или сам. *qatə* || ташк. *qəgə*], сам. *jəmən* || ташк. *jəmən* и т. д.² Я полагаю, впрочем, что двусложные имена играли в рассматриваемом нами процессе (процессе выработки к.-н. представления о типичности *ə* в первых слогах) второстепенную или пассивную роль: достаточно было того, что звуковой состав двусложных имен (даже в самаркандском) не препятствовал тому выводу, который получался из односложных имен (и глаголов): среди двусложных имен был (в числе прочих) тип таких слов как *ətə*, *хəпə* и т. д., т. е. тип, характеризовавшийся тем же порядком гласных *ə* и *æ* (*ə* — в 1-м, *æ* — во 2-м слоге), что и суффиксации от односложных основ — напр. *ət-ka*,

¹ В котором наличие гласного *ə* вместо ожидаемого по общей норме *æ* объясняется фонетически тем же самым фактором, которым обусловлено и *ə* (вм. *æ*) в суффиксе усиленной степени *-гэр*. Условие это сводится, повидимому, к наличию заднеязычного согласного, т. е. чередования *-k | -q* на конце данного суффикса; однако, наличие конечного *-k | -q* обуславливало выбор заднего дублета (*-*maq*, *-*ga*: *q* → *-mər*, *-гэр*) лишь при предшествовавшем широком гласном (**a | *æ* в до-иранизационную эпоху); ибо в самаркандском суффиксе *-lik* (как и в некоторых других аналогичных примерах, тоже с узким гласным суффикса) мы видим, наоборот, выбор переднего дублета (из чередования *-*lik | -lɪq*).

² См. формулу соответствий для слов типа **(C)aCaC*, помещенную в «Образцах иран. гов. узб. яз.», вып. 1, ДАН-В, 1928.

ət-lar или — от глаголов — qəl-gan, qəl-sa и т. п. Этого, полагаю, могло быть достаточно для того, чтобы, в связи со всем вышесказанным об односложных основах и их словоизменении, именно этот тип двусложных имен (эта, хона) взят был за стандартную модель огласовки двусложных основ (почему, следовательно, мы и имеем к.-н. формы ўтап, бола и т. д.).

Это, разумеется, — при том допущении, что к.-н. подвергался влиянию иранизованного говора *самаркандского* (а не ташкентского) типа. При обратном же допущении, конечно, еще легче было бы мотивировать появление представления о типичности э в первых слогах.¹

б) Во-вторых, можно привести следующие общие соображения: поскольку процесс подражания городской речи состоял не в заимствовании звукового состава отдельных слов, а в выработке новых норм *общего фонетического представления слова* путем обобщения беглых восприятий городской речи, постольку вопрос о выборе позиции, типичной для подстановки э ← а мог быть, повидимому, разрешен дилеммически: новая фонема (э) распространяется или в первом или и в первом и в прочих слогах слов. Выше было показано, почему подстановка *а → э *должна была* быть допущена именно в первом слоге по преимуществу. Но возможно указать также и то, почему подстановка эта *не могла* быть допущенной для общего представления второго и прочих не-первых слогов: этому препятствовал принцип сингармонистических (разумеется, лингвально-сингармонистических) чередований, иначе говоря, — основной (для данной группы говоров) признак фонетического представления слова. Ведь в случае допущения *а → э в виде нормы для вторых, допустим, слогов, должны были бы быть произведенными следующие, напр., видоизменения суффиксальных форм от односложных основ: *at-lar (т. е. к.-н. ət-lar) → *ət-lær, *at-qa (т. е. к.-н. ət-qa) → *ət-qə и т. д. Равным образом, в случае нормализации *а → э и для третьих слогов, мы ожидали бы *ət-lær-вэ (вм. нынешнего ət-lar-ва), *ədam-вэ (вм. нынешнего adam-ва) и т. д. и т. д. Но ясно, что, поскольку говор должен был оставаться сингармонистическим и не мог, поэтому, расстаться с одним из основных сингармонистически-альтернативных представлений а | æ (напр. -lar | -lær, -ва | -gæ и т. д.), для него только что указанные гипотетические формы (*ət-lær и т. д.) не могли

¹ Ибо, как уже было сказано, ташкентский говор в громадном ряде случаев имеет (в двусложных именах) в первом случае э против самаркандского Ё.

оказаться приемлемыми (разве лишь при условии полной утраты фонемы а т. е., следовательно, при спонтанеическом переходе а → о). Но кроме того — и это имеет здесь решающее значение — для замены *а → о в суффиксальных слогах не могло быть импульса в формах этих суффиксов в самих городских (ташкентско-бухарских) говорах: таких форм как *ot-lɔg, *ot-qɔ и т. п. мы вообще не найдем в ташкентско-бухарской группе, где до-иранизационному суффиксальному чередованию *a|æ, в виде общей нормы, соответствует гласный а или æ (в сам. а, в ташк. æ), но не о (за исключением лишь вышеуказанных -rɔq, -mɔq и сам. -tukɔn | -tugɔn).

Перейдем к прочим признакам, отличающим к.-н. от прочих (наиболее типичных) «собственно-узбекских».

27. К.-н. вполне усвоил фонему х, — напр. xalq, но не qalq как в казакском яз. и многих «собственно-узбекских» говорах.

28. Отсутствие дифтонгизации i в pit 'вошь', it 'собака' и т. п. (ср. кыркск. и нуратинск., напр., pi't, i't).

29. Отсутствие дифтонгизации начальных е ø о: ср. кыркск. и нуратинск. ¹et 'мясо', ²et 'минуй, пройди!', ³ot 'трава' (тоже в казакском яз.), в к.-н. — et, øt, ot.

30. В к.-н. родительный падеж уже не отличается от винительного, тогда как в нуратинском, напр., это различие еще сохраняется.

ТЕКСТЫ

bɔrækændæ ʒɔBækæn ɔʃækændæ tɔBækæn. bir bɔwaj bɔrækæn. bɔwajdu yʃ ulɔw bɔrækæn. yʃæwɨjæm otuɔn kyndæ terip kelædi. mehmannarBa ʃajdiʃ qajnatadu. ʃajnikkæ damnap ʃuBárdu. mehmannar iʃip | ɔɣmuɔn¹ quɔɔp kέtti. mehmannar hæɣlisigæ¹ bɔrup | ɔjalɔarBa quruʃaj ʃuBárdu. hæwɩsidæn bittæ nɔn ʃuɔxmadu. yʃ bɔɩa yʃæwi yʃ eʃæk tɔwɔb ɔtdu. ʃæ^hærdæn yʃæwi otuɔndu puɩuBa nɔn-ɔldu. hæwɩsigæ (или yɨɨigæ) kέldi. mehmannaruɔw ʃejtip kέldi. nɔn ʃuBárdu. ʃaj ʒoq. hawuɩzdan suw ʃuBárdu. suwdu mehmannardu ɔlduBa qóɨdu. mehmannar suwdu ʃajniɨbilæn²

В дальнейшем я употребляю знак w вместо ц (hæwli- и т. д.).

Вместо -bilæn в к.-н. обычно -minæn (у моего объекта иногда ошибочное -minæm).

otub ¹zygærđi. bolalar yčawijæm mehmännardan ujaɫup¹ qočup ketti. šæ^haerdæn otuun sɔtup čaj ɔɫdu. mehmännarBa čaj damnab bérđi. mehmanlar² hæwliſigæ ketti. bolalar mehmandikigæ ketti. hæwliſini bilmästæn oɔašup ketti. bir kišinikigæ bórub oturBan. hæwliſini egæsi šóBækæn. ettáminæn turup kœægæ cɔqtu.³ šollarda oɔašub žyrgæn. ɔɫdu-dan tœr ɔɫlu bœmačur yčawnijæm išlægæn.⁴ ɔrqasudan ɔtib išlæb bœrušta kejniden ekki æskær ɔrqasudan quwBan. bœmačur⁵lar yč bolanu tašlap qočqan. æskærler ulardur hæwliſigæ obbarub išlætkæn. soBra hajdap žygærđi. yčawijæm šulap ketkæn. ɔɫdu-dan bir kiši čuBup hæwliſigæ ɔpketkæn. unu ullarur šóBækæn. yčawinijæm ul-gub ɔBan. ɔtasu ɔxtarBan. hežerdæn čuxmaBan. ekki æskær ɔxtarBan. bir-žerdædeb eštkæn. šijergæ bórub bolalarunu kœrgæn. bolalaruBa hajda ketæmiz dedi. bolalaru ketmæjmiz degæn. kečæsi bittæsi qočup ketkæn. šolda bir kiši išlæb ɔBan. hæwliſidæ mærdikærčilig išlæp⁵ puɫ quɫdu. ɔtasuBa obbarup šæhaerdæn un ɔɫup hæwliſigæ obbarup nœn quɫamán dep xœmurdu æčitib nœndu žœsap tœndurBa pširmæj očaqa nœn quɫamán dep kyjdirib žejælmæj kyčykkæ bergæn. kyčyg žemæj bolasu ɔtasuBa bærær. ɔtasu kyjkti žegæn. ɔtasu žegændæ-kæjin⁶ qošuxčur bolaman degæn. bolasuBa senæm žegin degæn. mendæj qošuxčur bolasan degæn. ekawijæm šolBa čuBup kætædi, dewana bowp⁷ ketædi. hæwliſidægi undu hæwliſigæ bir quɫ kelip nœnunu tœndurBa žawub žeb ot^urâdu. hæwliſigæ ɔta-bola kelædi-quɫBa æjtædi — sen nímægæ bijergæ⁸ keldiſ? bir-kšiden

¹ 'Со стыдом'. ujaɫ- ← ujaɫ-. Переход ш ← ц распространяется в к.-н. иногда и на такие случаи, где в ташкентском ц сохраняется.

² В прочих местах обычная для к.-н. форма: mehmännar.

³ Наряду с čuqtu вполне возможно čuxtu (повидимому, даже более нормальное для к.-н.: ср. čuxmaBan и т. п. формы). Относительно качества ш после шипящих (в частности, после č) про к.-н. говор можно сказать то же самое, что и про другие сингармонистические говоры узб. языка.

⁴ išlæ вм. yšlæ (переход i ← y). Ср. прим. 3. Глагол *yšlæ- совпадает таким образом с iš-læ- 'работать'.

⁵ Здесь išlæp, конечно, от глагола iš-læ- 'работать' (с исконным i).

⁶ Вне всякого ожидания в сочетании с -kejin (или -kæjin) я встретил несколько раз форму Местного (на -da | -dæ), а не Исходного (на -dan | -dæn) надежа от причаст. прош. вр., т. е. žegændæ-kæjin вм. žegændæn-kæjin и т. п.

⁷ bowp из بولوب.

⁸ У другого объекта — bijærgæ (с æ вм. е во втором слогѣ).

soraþan bu hæwlini egæsi qajaqqa ketkæn? unpa æjtædi — þolþa nonnunur tøndurþa piþiraþmaþ¹ oþaqqa piþirip 'kyjdyrdi.² oþaboþa ekæwi kyjykþi þeb þolþa dewana þuþurp kætþi. men kelib nonnunurþu piþirib þeb oturuppan. bir kynnaen bir kyn quz oþasunukigæ³ kætþi. hæwliþigæ þurub oþurdu. dewanaþardur nonnunur qomasa hæþ-kyn þurub þawub berip kelædi. oþunur toþaþþab bersæ þemaþþi. nonnunur þeþþi. þurwanur suwunur iþmaþþi. qoþa-nunur quz kætærib onasuþa oþbarub berþi. qozannarunur þuwub⁴ berip hæwliþigæ kætþi. ettaþminæm⁵ kesæ þuþurp kætþþi. hæwliþini iþiþæ oturupþu. keþqurun dewanaþar keldi. þaþþiþini qajnatub berþi. þaþunur iþib dewanaþar kætþi. quzám eþiklærini quþaþ kætþi. quz yþigæ þurub yþlærini þþirip oturádu. enæleri kelib yþigæ oturádu. þaþunur iþib doþaþa þuþurp ketædi. quz yþigæ kelædi. yþini þþirip dewanaþar yþ-kiþi bowp kelædi. þorasu ketædi. oþqasudan buþaram⁶ quzþa yþi þþirip oturþan deþþi. bizær⁷ qajþup kelæmiz deþþi. b'r keþæ yþæ þotámur deþþi. ettaþminæm [sic!] þæhærgæ þaþdu iþmaþþen ketæmiz deþþi. þæhærgæ þurub non oþádu. b'r keþæ keþ oþádu. þoþda þotádu. þotqan waxtuda yþtigæ ekita orus kelædi. ekki orus æjtædi — qajaqtan kelæþapsæn deþþi. þæhærdæn kelæþappæn deþþi. þoþda þottum deþþi. ettaþminæn turup tørtæwi þolþa þuþádu. yþigæ þoraþat-qan waxtu oþduþan quz qoþub þoraþaþþu. tørtæwi mækkæm iþlæþ⁸ oþdirgæn. oþigini tørtæwi kætærib yþigæ oþkelib dewanaþar qozanna toraþ oþdu. qozan tæþigæ⁹ aþaw¹⁰ þoþqan. piþirib bir keþæ piþirib ettaþminæmgæ dæwir damnap qoþdu. ettaþminæn quzdu enæsi kegæn dewanaþarþa «meni quzum qonur» deþþi. kimdi qonur? degæn. uþar æþþkæn — bilmaþmiz dedþi. enæsi æþþkæn — meni quzum qonur degæn. bilmaþmiz degæn. hæwliþigæ ketywþi degæn. hæwliþidæn ketkaendæn kegæn þoþ. enæsi þuþaþ hæwliþigæ

¹ Продиктовано было именно piþiraþmaþ. Но нормальными формами следует считать piþirælmæþ и piþiræmmæþ.

² В суффиксе -þyr- здесь, как и в ряде других случаев, наблюдалось сохранение у.

³ Окончание -kigæ (с передними гласными и согласными) несмотря на заднюю основу

⁴ 'Вымыв', из *þuwub.

⁵ Но обычно -minæn.

⁶ Из þoþar hæm. Ср. выше quzam из þar hæm.

⁷ Вм. biz-lær 'мы' (в форме мн. числа).

⁸ Вм. yþlæþ.

⁹ Или qozandur tæþigæ.

¹⁰ У двоих других объектов заслуþано oþaw.

bórdur. erigæ æjtíp kegæni žòB-dedí. eri otlanub otárdur. olđudan bir bôla olđudan čuxtu. u quz bir dewanantu yjini špirib žyrærmidi [у всех остальных объектов žyrærmidi]. unŋa «há»-degæn. šunu yjini kørin degæn. bõrub yjyni¹ køríp héč-kim žòq. yjidæ pojlab žotqan. bõjnaBwu dewanaŋar keldi. quzdu otasu mækkæm iślædi.² onasur keldi. tørtæwi dewanaŋar quzdu onasuminaén (или enæsi minæn) otasu dewanaŋardur mækkæm qustur. meni quzwmdu tawub-bér dedí. men quzwuŋdu qajerdæn tawub-beræj dedí. hæwliŋigæ ketkændæn kèmadí degæn. quzdu otasu turub æjtkæn men otlanub šolBa otarmaqqa čuBub bõrajatúdwúm. olđumdan bir bôla čuxtu. unnan [или bôladan] sorab olđum «bir quz kørin-mæ?» degæn «ha· kórdím» degæn. menæm degæn «dewanaBa šetim žerywdim» degæmmæn. kyndyz kyni dewana øldirmækkîn qočup kèttim degæn. u quzwuŋmz dewanaŋar sojup qozanŋa piširib ettæminæm gøšini žèdi. bir ola kyčygini oBulBa bæjlep qójaptú. olđunur bõrsaŋmz oxurda quzwuŋwzdu ekki qoŋu ojaBwu turuptur. dewanaŋar olđuBa «monu»³ quzwumdu qoŋu» deb dewanaŋardur bõšwBa úrdur. ekki dewana «bizær bõšumwzBa nímægæ urasán?» degæn. «meni quzwumdu tawub-ber» degæn. «quzwuŋdu bizær kørgænimiz šoq». tørtæwi yjyni olđuda tewalašup qóldur. uŋar quzdu enæsiminæm otasu qočup kètti. kečæŋigæ dewanaŋardur øldirmækkæ keldi. kesæ yjidæ⁴ hečkim šoq. hæwliŋigæ ketib bõrajatqanda šolunur ystidæ køpirini otuda dewanaŋar pojlab žotqan. dewanaŋar turub ekæwini bir pučaq urmastaŋ uŋar dewananur ekki pučaq urdu. dewanaŋar taq [sic! вместо та] pučaBunur tawBunča uŋar bir pučaBminæm tør pučaB urdu. dewanaŋar øldi. øligini kættæ oruqqa oBuzub žygærði dewanaŋardur hæwliŋini bir kišigæ sóttur. puŋunur øzi olđur. puŋwBa šæhærdæn qoj olamán dep šæhærgæ kètti. qušlaBunur ođamnarunur čaquwup keldi. qojunur sojub ođamnarwBa žegizib žygærði. hæwliŋidæ bemaŋaŋ žottur. oxurur.

¹ В данном случае было сказано yjyni, несмотря на наличие более нормального дублета yjini. См выше пункт 17.

² Другой присутствовавший при рассказе молодой казак-найманец переспросил: «yšlodi?» (о во втором слове — конечно, неправильная подделка под письменный язык и под городскую фонетику). Вообще употребление глаг. основы iślæ вм. yšlæ- в особенности типично именно для индивидуального говора рассказчика (у которого, следовательно, *yšlæ- совпадает в звуковом отношении с iš-læ- 'работать').

³ Вм. *ana* 'во'.

⁴ Допустимо встретить и yjydæ.

børækændæ žoʔækæn ɔækændæ toʔækæn bir čol kæmpir bórækan. čol kæmpirdi ekki ulw bórækan. bittæsi otum termækkæ kétti. bittæsi mól žuʔldurmaqqa ketti. bittæsi bórub buzawnu šetælédi. soʔaʔa suwarup soʔaʔa bæjlédi. soʔaʔa bæjlæb ot¹ tæjlédi. soʔra hæmæsi birgæ bowb ojuŋŋa² kétti. ojuŋnan hæwliŋigæ kepturub ɔwqat šedi. ɔtasu «mólʔardw čuʔarmaj qajaq kettŋ?» dedi. ular æjtkæn — ojuŋŋa kettik. soʔra yčæwnijæm urdu.³ yčæwjæm bir bowp qčɔup kétti. soʔra mólʔarunu ɔzlæri soʔadan čuʔarʔan. ɔtʔanub yč boʔasunu ɔxtarup ketkæn. šæhærgæ bórub žorčw qučurʔan. žolda bir kiši kelæjatkæn. u æjtkænki soraʔan «bir boʔanu kordijizmi?» — yč boʔanu bir žojda kordim. soʔra qajerdæ deb æjtkæn. soʔra ɔzini hæwliŋidæ bir ɔʔwʔ...⁴ šu ɔʔwʔdu ičidæ yč boʔa bór. unu ɔʔwʔunu kórdi. yčæwijæm ɔʔwʔda kirib oturuptu. soʔra ulardw čuʔarʔan. soraʔan ɔdamda — meni yč boʔamdu ɔʔwʔʔa qomab žotqan. šu bæčælærdi ɔtasudan puʔ ɔʔʔan. unnan/ŋ- kejin bæčælærdi hæwliŋigæ ɔpketti. hæwliŋigæ ɔbborub zujapa⁵ yč boʔanu qənnunu⁶ ɔwqatqa tojdu. mólʔarʔa kepturub yčæwi yč mólʔdu qoʔwʔa ɔldu. boʔdajʔardw uwatwʔa⁷ utʔadu.⁸ jana mólʔardw pešin⁹ soʔaʔa bæjlédi. jana mólʔarunu soʔaʔa bæjlæb ɔtasudan dašunu¹⁰ qčɔqan. jana mólʔardw ɔldwʔa kelsæ unnan kejin boʔaʔaru yčæwijæm žoq.¹¹ ɔqasudan ɔxtarup ketkæn. ɔldudan bir tyjæči čuqqan. tyjæčidæn soraʔan.¹² tyjæčini ɔldudan yč boʔa čuqtu. ɔtasu ketibirgæn¹³ ɔxtarup. ɔldudan bittæ ešæyli¹⁴ čuqqan.

1 Под словом ot здесь имеется в виду 'клевер': привязав в тени, дал ему в корм клевера.

2 Из *ojun-ʔa — дат. пад. от دَوِيُون 'игра'.

3 urdu произнесено было с характерной для узб. языка «мелодией сказуемости» в последнем слоге.

4 'Хлеб'.

5 'Угощение'.

6 'Их желудки' (вин. п.) — из *qarn-ŋ-nu.

7 uwat 'межа' (экв. сам.-таджикского čel).

8 Другой из присутствовавших при рассказе казак-найманцев поправил: utʔattu вм. utʔadu.

9 'В обед, в полдень'.

10 'Тайно, секретно'.

11 žoq было произнесено с «мелодией сказуемости».

12 Подразумевается ɔtasu.

13 При повторении фразы ketibirgæn было заменено через ketæjaptu.

14 γ (в ešæyli) комбинаторный (и даже комбинаторно-факультативный) вариант фонемы g.

ešæylidæn soraβan «yč bōlanu kōrdinjizmi?» — kōrdim degæn. žumaβa yč bōla ketib/wirgæn (или ketæjaptu). otunnu čōβdurβan. oluстан kōzigæ kōrilgæn. žetib oβan. yčæwinijæm žōlda b'r kečæ žotqan. ettæminæn žaju-
dan tursa otasu žajuđan tursa bōlaβaru žoq. qəčup ketkæn. jana otlanub
žōlβa čuqqan. oxtarub oxtarub žōlβa čuqqan. ujaxtu bujaxtu¹ oxtarup
kōrgæn. hež: oq. žōldan kelæjatkændæ ołduđan bittæ bōla čuqqan. unnan
soraβan puβa ketywdim degæn. ækælærin qajaqqa ketkæn — bilmæjmæn.
bir bōlasunu opekgæn.

Отдельные фразы и выражения: qoɬu ovrɔjɔɬu. čaj ičkim kēldi. čaj
bər, opekelæmæn. qant žoq. xapa bōɬmaɬ. xəzɔr æjtæmiz. olus, ettæ kesin
(‘далеко, пусть он завтра придет’). daɬu ‘опиум’ (сам. dōru, ташк. dōri).
gæštæk ‘посиделки’ (ташк. gær). Названия Фруктов: ənar, olma, bifi,
anšur (мн. ч. anšulər), šoptaɬu. qajraβač (назв. дерева). žumaɬaq
‘круглый’. bōšqa bilmæjmæn. bir bōla bər, mætæl kəb bilædi.

bir kiši bir kišigæ æjtkæn: əsman rawaβ rawaq, gə-xordam təwax-
təwaq.

bōšqa bōla pærænži žaɬa žapa pærænži. pitædi, žəzādɔu (‘пишет’).

Надо заметить, что для облегчения транскрипции я в большинстве
случаев оставлял без обозначения оглушение узких гласных в неударенном
(главным образом, в первом) слоге, между глухими согласными — напр.
в kiši и т. п.

Остальной материал по к.-н. говору (в том числе «Генеалогию рода
Найман») я предполагаю включить в «Диалектологическую хрестоматию»
и «Диалектологический словарь» узбекского языка.

¹ Вместо ئۇ ياقنى بۇ ياقنى ‘туда-сюда’.